

ДЕТЕКТИВ

ЕЛЕНА

АРСЕНЬЕВА

БЕЗУМНОЕ ТАНГО

Елена Арсеньева

Безумное танго

«ЭКСМО»

Арсеньева Е. А.

Безумное танго / Е. А. Арсеньева — «Эксмо»,

Невероятно, но бывшей медсестре Алене Васнецовой, оказавшейся на Ближнем Востоке, выпала участь рабыни. Чудом убежав от мучителя, Алена встретила своего земляка Юрия. Он тоже оказался в положении дичи, за которой шла охота сначала на Востоке, а затем и дома, в России. Пытаясь понять, кому и зачем понадобилось посылать их на смерть, Алена и Юрий обнаруживают, что они – всего лишь марионетки, которые пляшут под мелодию безумного танго политических дельцов. Хищники, чье место за решеткой, неудержимо рвутся к власти, не брезгуя никакими средствами, сминая все на своем пути...

© Арсеньева Е. А.

© Эксмо

Содержание

Алёна Васнецова. Май 1999	5
Юрий Никифоров. Май 1999	8
Нижний Новгород, фирма «Меркурий». Май 1999	13
Алёна Васнецова. Май 1999	15
Юрий Никифоров. Май 1999	19
Тамара Шестакова. Май 1999	30
Алёна Васнецова. Май 1999	36
Надя Кунина. Декабрь 1998	40
Алёна Васнецова. Май 1999	44
Алёна Васнецова. Январь 1999	50
Алёна Васнецова. Май 1999	54
Варвара Васильевна Громова. Май 1999	57
Алёна Васнецова. Май 1999	60
Тамара Шестакова. Май 1998 – август 1999	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Елена Арсеньева Безумное танго

*Вы не вейтесь, черные кудри,
Над моею больной головой.
Я сегодня больной и бессильный,
Нету в сердце бывшего огня.*

Народная песня

Алёна Васнецова. Май 1999

Горло перехватило так, что Алёна едва не задохнулась. Натужно, с хрипом вбирала воздух, но напрасно. Закружилась голова, и на миг почудилось, что она сейчас рухнет на пол рядом с Алимом, дернется в последней судороге, как только что дергался он, – и замрет, так же как он. А что, и полицейским очень удобно: когда они приедут, то найдут труп убийцы рядом с убитым.

Вдруг почудилось, будто темные губы Алима дрогнули. Да он издевается над ней даже мертвый! Сейчас приподнимет голову и скажет: «Случившееся на пути Аллаха! Как видишь, я жив, а ты, русская гуль¹, сдохнешь у меня на глазах, и я пальцем не шевельну, чтобы тебя спасти!»

Алёна ударила себя в грудь кулаком, потом еще раз. «О, Господи, Господи, спаси меня!» Заметалась, задергалась, пытаюсь вытолкнуть эту жуткую пробку, которую загнал ей в горло ужас перед содеянным, – и вдруг почувствовала, как размыкается обруч, стиснувший легкие. Вздохнула раз и другой... Привалилась к стенке и ослабевшей рукой отерла со лба холодный пот.

Алим смотрел снизу мертвыми выкаченными глазами. Первым чувством была мгновенная вспышка торжества: все-таки сдох ты, ты, а я жива! Потом Алёна вспомнила, где она, что сделала и что ее теперь может ожидать, – и схватилась за голову, пытаюсь собрать скачущие мысли.

Бежать, надо бежать! Ринулась к двери, и снова перед ней предстала картина, виденная десятки раз: нагромождение замков, которые невозможно открыть. Да, Алим мог ни о чем не беспокоиться, иногда оставляя ее одну в этой квартире: замки отпираются только ключами, с которыми он не расставался, окна не открыть и не выбить, а если даже это и удастся каким-то дьявольским русским способом, то прыгнуть с одиннадцатого этажа...

Алёна привычно вцепилась в не единожды проклятые ручки и рычаги замков и вдруг спохватилась: да что же это она? У нее теперь есть ключ! Правда, ключ лежит в кармане убитого ею человека, и его еще надо достать...

Вернулась к Алиму. Снова обморочно заколотилось сердце.

Стиснула зубы. Дура, дура! Возьми себя в руки! Раньше надо было падать в обморок, еще там, в Шереметьево, при посадке в самолет, когда почувствовала эту страшную тоску и ужас, но не нашла в себе сил отказаться от заманчивого предложения и вернуться домой. Или в аэропорту Аммана – когда увидела высокого красивого араба, который с восхищенной улыбкой приложил руку к груди. Ты ведь не поверила улыбке и жарким очам Алима, ты возненавидела его с первого взгляда, но успокаивала себя, что это всего-навсего встречающийся, он отвезет тебя к господину Кейвану, и больше ты этого человека не увидишь... А сердце про-

¹ Так арабы называют злого духа, обитающего в пустыне. Гуль нападает на одиноких путников и убивает их. Он имеет вид страшного чудовища, но иногда является в виде прекрасной женщины со светлыми глазами.

сто-таки разрывалось от страха, стучало как сумасшедшее: «Держись от него подальше!» Не послушалась... А чего бояться теперь? Разве ты не испила свою чашу до дна, не испытала самого страшного? Разве уже не простила с жизнью, выбирая разные способы самоубийства? И только одна мысль останавливала: бросят в какую-нибудь яму, даже не заруют, а засыпят негашеной известью, а то и вовсе сожгут, как сжигают дохлых собак и кошек, и никто никогда не узнает, где сгинула бесталанная русская девчонка...

Но можешь не сомневаться: если ты не выйдешь отсюда до возвращения Фейруз или прихода гостей, если будешь заламывать руки и задыхаться в истерике, именно этот финал жизни и ожидает тебя: арест, тюрьма – и яма с негашеной известью. «Господи! – Алёна уставилась в потолок. – Господи, не оставь меня! Укажи мне путь к спасению, и я...»

Она слабо покачала головой. Неужели права была тетя Катерина, и Господь всего лишь ведет ее непростой стезею к истине и той цели, которая единственная ей определена? Но даже сейчас не размыкаются губы дать роковую клятву...

«Господи, спаси меня сейчас, и я еще раз съезжу в Выксу, я попробую, я попытаюсь снова. Честное слово! И если ты подашь мне еще какой-нибудь знак...»

Ощувив прилив сил, Алёна скользнула ладонью в карман длинной белой хлопчатобумажной рубашки – галабеи, которую Алим всегда носил дома, хотя на улицу выходил только в европейской одежде. Вот они, ключи! Кинулась к двери. Как-то раз удалось подглядеть, что главный – вот этот желтый ключ со множеством выступов. Стоит повернуть его, и все остальные замки начинают слушаться.

Вставила в скважину, повернула. Как просто, оказывается, выбраться на волю: убить ненавистного человека, потом вытащить у него из кармана ключ, вставить этот ключ в замочную скважину и раз повернуть!

Послышался звук открываемых дверей лифта. Алёна отпрянула, вжалась в стену. Неужели гости уже пришли? Что делать, если сейчас кто-то позвонит? Отмолчаться, отсидеться? Но они ведь знают, что Алим должен быть дома. А если решат подождать? Если заподозрят неладное и вызовут полицию? Если это не гости, а Фейруз?

Открылась и закрылась дверь квартиры напротив. Алёна осторожно посмотрела в глазок. На площадке пусто. Ой, слава богу...

Ее трясло, зато мысли стали четче. Что же это она делает, неразумная? Куда собралась бежать – без гроша в кармане, без документов, в нелепой одежонке, а точнее – полуголая? Да ее же остановит полиция на первом перекрестке, а если даже удастся отыскать посольство, что она скажет? Заявит, что убила иорданского подданного Алима... как его там? И теперь просит мать-родину укрыть ее своим подолом? Но до кого ей сейчас вообще есть дело, этой самой матери-родине? Это ведь не голливудский боевик, в котором несчастная девица непременно будет спасена, а жизнь... жизнь русской рабыни в чужой стране. Еще немножко мужества... Алёна ведь знает, где сейф Алима. А если вот этот маленький плоский ключик, больше похожий на палочку, – ключ от сейфа? Конечно, может быть, ничего и не выйдет, но глупо ведь не попытаться поискать...

Она вбежала в спальню, небрежно сдвинула портрет покойного короля на стене.

Под портретом темнела крошечная скважина. Ключ подошел, квадратная плита выдвинулась, открыв неглубокий проем. Как все просто опять-таки! Но, в конце концов, Алим Кейван ведь не разведчик из ЦРУ, не какой-нибудь местный Джеймс Бонд, а обыкновенный сутенер. Поэтому в его простеньком сейфике лежат не сокровища Голконды, а пачка долларов и несколько документов, завернутых в полиэтилен.

У Алёны подогнулись ноги. Неужели это не мираж? Вот эта бордовая книжечка – ее иностранный паспорт! Схватила пакет, развернула дрожащими руками. Слезы набежали на глаза, когда увидела свою фотографию – глупое, доверчивое лицо с широко открытыми глазами, – когда прочла свое имя, начертанное нерусскими буквами: Aljona Vasnetzova. А ведь бывали

жуткие минуты, когда мерещилось, будто у нее и впрямь осталась только эта вычурная «рабочая» кличка «Жасмин», Ясмин по-арабски. Ее зовут Алёна Васнецова, и паспорт подтверждает это... А теперь пора бежать!

Нет. Еще не все сделано. Без малейших колебаний Алёна выгребла из сейфа деньги, жалея только о том, что бумажек маловато. Впрочем, наберется около шести тысяч долларов – не так уж плохо. Подскочила к большому платяному шкафу, брезгливо переворошила кучу висящих там восточных тряпок. Вот, черное – это подойдет. И черный платок. И чадра! Сейчас Алёна с восторгом нахлобучила бы на себя даже паранджу, но чего нет – того нет. А вот и европейские платья – некоторым гостям нравилось, когда Ясмин была одета как белая женщина. Алёна торопливо переделалась в бермуды и футболку, схватила какой-то сарафанчик, льняной костюм, длинное шелковое платье в цветочках, кофту, что-то из белья. Сунула ноги в сандалии – ладно, перебьемся. Сволочь Алим демонстративно вышвырнул в мусоропровод все ее вещи, которые она так тщательно подбирала перед поездкой, советовалась с этой змеей подколенной Фаиной Павловной... «Если вернусь, за все с ней посчитаюсь!» – мстительно промелькнуло у Алёны в голове наболевшее.

О, вот что еще она забыла! Вернулась в спальню, подскочила к журнальному столику и схватила небольшой фотоальбом с видом сказочной Петры на обложке. Этот альбом – ее спасение. Если она все-таки попадет в руки полиции, у нее будет что предъявить для своего оправдания!

Поглядела на себя в зеркало. Все хорошо. Вполне почтенный вид, даже и не скажешь, что под этой приличной черной одеждой скрывается русская проститутка и убийца.

Нет, глаза. Ее выдают глаза! Метнулась к туалетному столику, схватила черный карандаш, жирно подвела веки. Теперь лучше. Часа через два сядет солнце, будет вообще отлично.

Алёна подошла к двери, глубоко вздохнув, методично один за другим открыла все шесть замков и вышла из квартиры, даже не оглянувшись на эту выстуженную кондиционером пещеру, где пробыла в плену нелюдей целых три месяца. И тем более не почтила она прощальным взглядом труп чудовища, валявшийся на полу.

Юрий Никифоров. Май 1999

– Э-эй! – послышался рядом негромкий голос. – Просыпайтесь. Кушать будете?

Юрий поднял голову, непонимающе огляделся. Соседка серьезно смотрела на него поверх очков. Стюард с терпеливым выражением держал над его головой запечатанный подносик с ленчем, а с кресла следующего ряда недовольно заглядывал пухлый, сладко пахнущий духами арабский господин.

Похоже, они уже давно пытаются добудиться Юрия. Он с извиняющейся улыбкой принял от стюарда подносик и сунул себе на колени, спросонок еще не вполне соображая, что делать. Однако стюард не отходил, а стоял рядом с тем же заученно-вежливым выражением, что-то бормоча по-английски.

– Кресло поднимите, – сказала соседка. – А то тип, который сзади, немедленно умрет голодной смертью.

– Ах да! – Юрий торопливо нажал на панель, поднял спинку своего кресла, а заодно опустил перед собой столик, переставив на него поднос.

Слава богу, все устроилось. Стюард потащил свою громоздкую тележку дальше, а запах духов наконец-то улетучился.

– Спасибо, – пробормотал Юрий, – я что-то вдруг заснул...

Соседка уже занялась распечатыванием пакетиков на своем подносе и изучением содержания тарелочек и мисочек. Она явно была не намерена продолжать разговор. Только необходимость заставила ее нарушить то отчужденное молчание, в котором она пребывала все два часа полета. И которое, если честно, Юрий ни разу не попытался прервать, хотя и поглядел пару раз заинтересованно: в ее лице было что-то знакомое, будто бы они где-то уже встречались.

Он поглядел на поднос. Хорошенькие темно-синие мисочки и кружечки выглядели куда привлекательнее их содержимого. Слизистое синеватое пюре, горка вареных овощей, бумажно-белая рыба под соусом. Запечатанная булочка, сухое пирожное, еще что-то, не то сыр, не то колбаса, и несколько пакетиков: с солью, перцем, сухими сливками.

Его вдруг замутило. Торопливо отпил джина-тоника (вернее, тоника-тоника-джина), предложенного к обеду, и коснулся ногой сумки, стоящей под ногами. Сумка на месте. А почему бы ей, собственно, там не быть?

Покосился в сторону соседки. Она, изящно оттопырив мизинчик, равнодушно объедала косточку. Вкусно пахло курицей. А ему курицы уже не досталось.

«Спать надо меньше, – подумал Юрий, уныло берясь за свою переваренную рыбу, в которой даже костей не было. – А впрочем, лопай, что дают. Ты что, есть сюда явился?»

Строго говоря, в том числе. Во всяком случае, еда входила в набор услуг, которые он должен был поиметь в качестве оплаты за свою услугу. Юрий вспомнил, какой необычной казалась когда-то еда на аэрофлотовских рейсах. Там подавали даже черную икру, честное слово! Таких роскошеств он не застал, знал о них только по рассказам отца, но жареная-то курица непременно входила в меню. А тут... Или, поскольку большинство туристов – русские, им и еду готовят соответствующую? Для стран третьего мира, вроде тех орешков в пакетиках, которые стоят в киосках бешеные деньги, но есть их нормальные люди не будут, ибо предназначены они только для потенциальных самоубийц. Хотя рыба вкусная. И сырокопченая колбаса отличная. А вон в той мисочке вообще ананасовый компот! Хотя орешки в пакетиках – тоже вкусные, не оторваться...

Подали чай и кофе, а потом стюарды со своими тачками снова замелькали между рядами кресел – собирали подносы с остатками еды. Соседка соблаговолила взглянуть на Юрия:

– Пожалуйста, передайте.

Она протянула подносик, заваленный горой каких-то оберток и салфеток. Юрий удивился: откуда она набрала столько мусора? И вдруг заметил, что не хватает синенькой фирменной кружечки. Точно, нет! Неужели стащила? Стало смешно. Вспомнил, как его самого, когда первый раз в жизни летел самолетом, вдруг охватило неодолимое желание утащить с собой аккуратненькую пластмассовую чашку, в которой стюардесса разносила напитки. Он до сих пор помнил кирпичный цвет этой чашки, вкус лимонада, пузырьки на его поверхности, свое волнение: достанется ему лимонад или придется пить безвкусную минералку?.. А интересно, что делать, если стюард заметит пропажу кружечки? Надо ли будет Юрию изображать джентльмена и прикрывать даму, взяв вину на себя? А вдруг тут, на борту, действуют жуткие азиатские законы и вору немедленно рубят правую руку?

Юрий с независимым видом сунул стюарду оба подноса. Если он и заметил пропажу, то умудрился перенести это, как мужчина: даже глазом не моргнул и потащился дальше. Юрий покровительственно покосился на соседку, но та восприняла его подвиг как должное и равнодушно отвернулась к окну, выпутывая из лоснящихся черных кудрей золотую серьгу в виде кораблика. Мгновение Юрий колебался между созерцанием ее точеных колен и купы облаков, собравшихся на горизонте в подобие диковинного замка, а потом откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

Нет, спать больше не хочется. Но как протянуть оставшиеся два часа пути? Зря он не купил в аэропорту газет, а еще лучше – какой-нибудь детективчик. Беда в том, что они с Саней примчались уже перед концом регистрации, когда ни на что не оставалось времени. Позже него проходила паспортный контроль только его соседка, эта роскошная брюнетка, похожая не то на китайку, не то на грузинку, да свора арабов, занявшая последний ряд. Жаль, что туалеты рядом и народ спует туда-сюда. Сейчас бы отгородиться от них газеткой... Не успел купить. Даже не успел полюбоваться изобилием шереметьевского «дьюти-фри». Да и бог с ними, с теми магазинчиками, у него все равно нет лишних денег. Но уж на обратный путь надо обеспечить себя чтивом... Привет, каким же это чтивом ты себя обеспечишь в аэропорту Аммана без знания иностранных языков?

Юрий расстроился. Нет, надо же свалить такого дурня... Значит, и обратный путь будет тянуться, как резина. А кстати, очень может быть, что в Аммане найдутся русские газеты. Во всяком случае, эти ребята, которые будут его встречать, они ведь русские. Саня так и сказал: тебя, мол, встретят наши ребята, – вдруг у них удастся разжиться хоть чем-нибудь для убивания времени? И, во всяком случае, на обратном пути он сможет спать – спокойно, с чувством исполненного долга, лелея мечты о будущем своем благополучии... Вопрос только, надолго ли ему хватит этой тысячи баксов, которые обещал выплатить Саня? Лекарства для отца, книги, компьютер, пусть не новый, без всяких выкрутасов... Впрочем, приятель, помнится, упомянул, что работенка вполне может стать постоянной, если Юрий хорошо себя покажет.

А что, неплохо бы! Летать по свету на всем готовом, получая за то, что приятно провел время, по тыщонке... Неплохо, ей-богу! К примеру, если летать вот так хотя бы раз в неделю, это уже сколько выходит? Две тысячи в месяц? Не хило, очень даже не хило! Наконец-то родители смогут вздохнуть свободно, расслабиться, а то их чуть кондратий не хватил, когда Юрий ушел от Лоры. Так до сих пор и ждут, когда же их ни к чему не приспособленный сыночек помрет-таки с голоду... Но не такое уж он, видимо, «библиотечное ничтожество», нахлебник и приживал, каким считала его бывшая жена, если Саня, друг детства, разжившийся потрясным «мерсом» и офисом на Большой Покровке, с первой же просьбы взял его к себе на службу. Может быть, конечно, такая должность, как «курьер», кому-то покажется слишком незначительной, даже ничтожной, однако обычных ничтожных курьеров их начальники не возят до Москвы на собственных иномарках, не провожают в аэропорт, не жуют нервно сигареты, если возникает риск опоздать на самолет... Нет, не стоит обольщаться, дело не в общечеловеческой

ценности спецкурьера Юрия Никифорова как такового, это он способен понять. Дело в каскете... Но если ему доверили столь ценный груз, получается, и он кое-что значит?!

Послышался мелодичный звон, призывающий к вниманию, а потом что-то по-английски, совершенно неразборчивое. Юрий покосился на соседку: та застегивала привязные ремни. Что такое? Неужели прилетели? Как, уже?! А куда подевались два часа? Или он опять уснул и не заметил пути? Забавно!

Юрий нашарил ремни, застегнулся и сел поудобнее, нетерпеливо шурясь. Вдруг спохватившись, обеспокоенно похлопал по карману рубашки. Бумажка, которую ему в самый последний момент сунул Саня, зашуршала. Там телефон. Просто так, на всякий пожарный. Конечно, его встретят: у левого выхода из аэропорта, на стоянке, будет ждать темно-зеленый «Форд», а рядом – высокий молодой человек в оранжевой каскетке. Саня заверил, что никаких неожиданностей не будет, но мало ли что?.. Телефон – это на случай чего-то непредвиденного.

Сели хорошо. Юрий расслабился: все всегда боятся посадки, нечего и притворяться, будто не испытываешь вполне объяснимого страха. А вот его соседка, похоже, совершенно спокойна. Или часто летает, ко всему привыкла? До чего же ледяное, отчужденное лицо! Красива, конечно, но это надменное выражение лица делает ее почти неприятной. Интересно, что ее привело в Акабу? Туристка? Бизнес-леди? Судя по жестким складкам у рта, очень может быть. Такая запросто перекусит конкурента своими белоснежными зубами и глазом карим не моргнет! А, понятно, почему ее лицо на миг показалось знакомым. У Лоры в последнее время частенько бывало такое же выражение лица, когда казалось, что она на все готова, даже по трупам идти, только бы добиться своей цели... Хотя Лора-то ни дня нигде не работала, отсиживалась за папенькиной спиной, как за каменной стеной, и не трупы каких-то там конкурентов могли бы устилать ей дорогу, а один-единственный конкретный труп – его, Юрия Никифорова, бывшего Лориного супруга, ради обладания которым (не трупом, само собой разумеется, а живым!) она когда-то столько гор своротила...

Бог ты мой, с каким видом эта дамочка смотрит на засидевшегося соседа, который преграждает ей путь! Ну да, все уже толкаются в проходе, разве можно отстать нашей соотечественнице? Юрий неловко попытался вскочить, забыв расстегнуть ремни; потом замок заело... Женщина смотрела в сторону с терпеливо-оскорбленным видом, и он испытал что-то вроде мрачного удовлетворения, когда она споткнулась о его забытую сумку и чуть не вылетела в проход.

Бормоча ей вслед извинения, Юрий с трудом сдерживал нервический смешок. Ему и стыдно было, а сдержаться не мог. Нервы шалят.

Закинул на плечо сумку, хлопнул ладонью по боку, нащупывая знакомые очертания. Кассета с надписью «Черное танго» на месте. Пора двигать, а то ребята, которые ждут его в «Форде», разволнуются.

Плакат «Юрий Никифоров!» был первое, что он увидел, выйдя в зал ожидания. Там толпилось человек двадцать встречающих московский рейс, некоторые держали плакатики с названиями отелей, а может, фирм, но всё было написано по-английски, а этот, побольше остальных, с ярко-синими буквами, – по-русски: «Юрий Никифоров!»

Нерешительно огляделся: может быть, среди пассажиров есть еще один Юрий Никифоров, ведь такое сочетание имени и фамилии не назовешь редким? Однако большинство народу уже прошло, он брел в числе последних пассажиров, а высокий парень в оранжевой каскетке, усиленно жующий резинку, все еще переминается с ноги на ногу...

Стоп. В оранжевой каскетке должен быть шофер «Форда»! А, все понятно. Не дождался, значит, пришел встречать сюда. Да зачем было так беспокоиться, Юрий, чай, не ребенок, как-нибудь отличил бы темно-зеленый «Форд» от прочих авто.

– Извините, я... Кажется, вы встречаете меня? – спросил он нерешительно.

Небольшие цепкие глаза окинули его мгновенным взглядом – точно сфотографировали. Секунду парень в каскетке по инерции ворочал челюстями, потом затолкал резинку языком за щеку и изобразил подобие улыбки:

– А что надо сказать?

– А, ну да, – спохватился Юрий. – Привет от Сани Путятин.

– Ну, давай, – протянул руку парень. – Давай привет-то. Большой, горячий?

Юрий кивнул. Почему-то этот пароль, придуманный Саней и раньше казавшийся таким смешным, сейчас звучал непроходимо глупо.

– Вроде вы должны были ждать меня в машине? – спросил заносчиво, пытаясь сохранить достоинство под этим пренебрежительным взглядом.

– Точно, – кивнул парень. – Однако сломалась машинка-то. В коробке, как говорится, выпал хвостовик. Еле успел на такси. Пошли?

– Да я, собственно... – запнулся Юрий. – Мне, собственно...

– Отлить надо? – догадался парень. – Это вон там, слева.

– Нет, – рассердился Юрий. – Зачем куда-то ехать? Я должен просто передать – и все.

– А кому передать-то – знаешь? Не мне ведь! Мое дело – шоферское, – спокойно пояснил парень. – Я должен обеспечить доставку, а прием груза в мои обязанности не входит. Да ты не переживай. У тебя обратный рейс во сколько – в двадцать сорок? Ну и за милую душу обернемся. Заодно город посмотришь, а то когда еще занесет в наши края. Амман – город красивый, богатый. И вдобавок римские развалины на каждом шагу. Жаль, что ты уезжаешь, а то завтра съездили бы в Петру. Бывал в Петре? Это типа древний город в скалах, ну, потрясная штука! Смотрел «Индиана Джонс и крестовый поход»? Киношку снимали как раз в Петре. Я там раз двадцать был. Возьмешь лошадку напрокат и джигитуешь себе среди скал!

Парень шел рядом с Юрием, болтая и доброжелательно на него поглядывая. У того стало малость спокойнее на душе. Очевидно, и за границей ломаются машины. А что надо куда-то ехать, так ведь и правда это к лучшему, выпадет ли случай еще раз побывать в диковинной стране Иордании? Надо воспользоваться моментом – посмотреть, что можно.

Они вышли на неширокую подъездную аллею, и Юрий моментально расхотел пользоваться этим самым моментом. Остро захотелось нырнуть обратно в кондиционированную прохладу аэропорта. Мать честная! Сейчас ведь май, а что здесь делается, к примеру, в июле?!

– погоди, не умирай, дыши глубже! – Парень взял его за плечи и втолкнул в такси, предупредительно подрулившее к обочине.

Юрий послушно вздохнул. В такси работал кондиционер – мгновенно стало легче.

– Это еще не жара, – снисходительно фыркнул обладатель оранжевой каскетки. – Вот в июле... – И добавил что-то по-арабски водителю.

Тот дисциплинированно кивнул, и такси рванулось вперед.

Замелькали пальмы, кожистые острые листики кустов, буйно цветущих сиреневыми и розовыми цветами, напоминавших мамин любимые азалии с кухонного подоконника, и аэропорт остался позади.

Юрий уставился в окно, с трудом сохраняя на лице приличное выражение скуки. Заграница! Эта выжженная пустыня – заграничная пустыня, чахлые зеленые кустики, разбросанные там и сям, – заграничные кустики, бетонные заборы с рекламными плакатами – заграничные заборы! И заграничное такси. И шофер тоже заграничный... Он чувствовал себя ребенком, попавшим в сказку. Бог ты мой, хоть бы никто не догадался, что за свои двадцать семь лет он практически впервые за границей! Поездка с родителями в социалистическую Болгарию после десятого класса – не в счет, конечно. Лора ездила несколько раз, сначала и его звала, но ему все было некогда, кандидатскую защищал, потом начал писать докторскую, потом... Потом Лора перестала приглашать его с собой. А того, что он зарабатывал в университете, едва

хватало на карманные расходы, а о том, чтобы самостоятельно сорваться в какой-то вояж, и речи быть не могло.

Ну вот, теперь сорвался. Жаль, что нельзя будет хоть глазком взглянуть на эту самую Петру, про которую столько читано-перечитано. Память мгновенно выдала информацию, известную любому историку: древнее арабское название Села – город-скала, и лишь в позднейшие времена город получил новое название – Петра: по-гречески «каменная». Был некогда большим торговым пунктом: это место так и называлось – Петрейская Аравия. В древности здешние племена селились в естественных пещерах, но римляне в первом веке нашей эры, когда Петра вошла в состав Великой империи, превратили ее в истинный город, вырубив в скалах гробницы, амфитеатры, соборы, триумфальные арки, дворцы. После завоевания мусульманами Петра потеряла свое значение и получила название Вади-Муши – долина Моисея. Римские развалины были открыты... Юрий напряг память... в 1812 году какими-то немцами, а кем – он забыл. Судя по картинкам, это и впрямь нечто! Ничего, первым делом по приезде домой он посмотрит фильм «Индиана Джонс и последний крестовый поход», и теперь, когда он собственной персоной ощутил кошмарную жару здешних мест, восприятие Петры будет максимально приближенным к реальности...

Появились первые дома столицы. Многоэтажек практически не видно – заборы, за заборами разнообразнейшие черепичные крыши, утопающие в зелени садов. Повсюду, словно головки гигантских цветов, торчат спутниковые антенны. Зелень только за заборами. Окрестности, в общем-то, унылые, лишь цепи гор на горизонте украшают вид. Виллы, одна другой краше, взбираются по склонам. Город лежит как бы в чаше. В самом деле – богато и красиво! Кстати, Амман тоже построен на развалинах времен Римской империи. Наверняка и здесь есть какие-то достопримечательности, не только в Петре. Нельзя ли проехать мимо них? Например, мимо знаменитого храма Геракла?

Юрий только открыл рот, чтобы спросить об этом, как их такси оказалось на типичной современной улице с множеством многоэтажных зданий. Нарядные витрины, толпы народа, поток автомобилей...

Машина приткнулась к тротуару.

– Выходим, – сказал парень, полуобернувшись. – Сейчас я расплачусь, а ты пока выбираться по-быстрому, здесь за стоянку ого как дерут.

Юрий выскочил из машины – и замер. Он уже успел забыть о жаре, которая набрасывается на человека, будто хищный зверь. Поскорей бы снова оказаться в помещении, где наверняка тоже есть кондиционеры.

Что-то взревело рядом, да так, что Юрий шарахнулся в сторону. Высокая арабка в черном отшатнулась, когда он едва не вцепился в ее одеяния.

– Пардон, мадам, – выдохнул Юрий, всполошенно оглядываясь, – миль пар...

И у него отнялся язык, потому что ярко-желтое такси, на котором его привезли сюда, внезапно сорвалось с места и мгновенно исчезло в потоке машин. Вместе с такси исчез и парень в оранжевой каскетке.

Нижний Новгород, фирма «Меркурий». Май 1999

Сотовый телефон, лежавший на столе, зазвонил в разгар совещания, однако его хозяин не нажал на сброс, а поднес трубку к уху, бросив собравшимся извиняющуюся улыбку:

- Аллю?
- Привет, это я. Ты меня хорошо слышишь?
- Да, все в порядке.
- Дело сделано.

У человека, говорившего по телефону, перехватило горло, однако лицо его сохраняло прежнее спокойное выражение:

- Отлично, молодец. Ну, до встречи!
- Эй, подожди. Ты что, не хочешь услышать подробности?
- Извини, у меня тут народ. Приедешь – поговорим. Пока.
- Пока... – В далеком голосе звучало недовольство, но хозяин телефона уже нажал на

кнопку и положил сотовый на стол.

- Итак?

Сотрудник, чья речь была прервана звонком, продолжил доклад, однако и у него, и у всех остальных до конца совещания оставалось впечатление, что шеф не слышит ни одного слова.

Пожалуй, они были правы, потому что едва только совещание кончилось и за последним человеком закрылась дверь, шеф снова схватился за телефон. Набрал номер.

- Приемная начальника ИТУ номер 5! – отчеканил женский голос.

Звонивший на миг отстранился от трубки и поглядел на нее как бы с испугом. Потом решился:

- Мне бы Степана Андреевича.
- У нас таких нет, – равнодушно ответила женщина. – Зато есть Андрей Степанович.

Позвать?

– Нет, – вздохнул звонивший. – Мне нужно Степана Андреевича. А это чей номер, с кем я говорю?

- Я же говорю: приемная начальника ИТУ номер 5.

– О господи! – воскликнул звонивший, как будто только сейчас понял, куда попал. – Так значит, Степана Андреевича у вас нет?

- Мужчина, вы что, издеваетесь? – рассердилась женщина.
- Нет.

- Вы номером ошиблись.

- Очень может быть.

Женщина помолчала, потом резко, коротко вздохнула, и голос ее изменился: стал опасливым, настороженным.

- А если я все-таки найду Степана Андреевича, что мне ему передать?

- Передайте, что казаки купаются в Красном море.

И положил трубку.

Другой человек, сидевший в специально оборудованной маленькой комнатке и внимательно слушавший этот разговор, словно сидеть в маленькой комнатке, ловить разрозненные звуковые сигналы и записывать их на магнитофон было делом его жизни, сдвинул с головы наушники и чуть ли не с испугом покосился на своего напарника:

- Он что, жириновец?
- То есть? – вскинул тот брови.

– Ну это же что-то из Жириновского: казаки купаются в море... или океане?

– «Омыть сапоги в теплых водах Индийского океана»? – хихикнул напарник. – И правда, похоже. Но о казаках там и речи не было, это что-то новенькое.

– А у дяденьки крыша не поехала? – продолжал недоумевать человек. – Привет передал на деревню дедушке, Степану Андреевичу... Наверное, эта девка из приемной решила, что мужик спятил, и разыграла его.

Но в этот момент в наушниках снова зазвучал голос человека, которого он контролировал, и «слухач» забыл обо всем постороннем.

Однако на сей раз беседа носила сугубо деловой характер и касалась доставки груза во Владивосток. Никаких казаков, никакого Красного моря, никакого Степана Андреевича, которого вообще-то нет, но привет ему все же передадут...

Напарник тоже слушал этот разговор, изредка чиркая ручкой по листку блокнота, записывая имена. На его лице застыла улыбка, как будто он все еще вспоминал разговор про казаков в Красном море и ему было по-прежнему очень смешно.

На самом деле ему было не до смеха. В отличие от своего помощника-«слухача», он отлично знал, о каком Степане Андреевиче идет речь.

Барышня из приемной начальника ИТУ номер 5 лукавила! Был, был там Степан Андреевич! Нет, не в приемной, конечно. В числе заключенных...

Алёна Васнецова. Май 1999

Алёна с трудом заставляла себя идти спокойно. Не бегают арабские женщины по улицам – ни за автобусом, ни за трамваем, не бегают, и все тут. Правда, трамваев тут, в Аммане, нет.

Она шла, потупив подведенные глаза, являя собой образец спокойствия и достоинства и отчаянно пытаясь сообразить, что ей делать и куда идти. Уж конечно, не в посольство – оставим этот штамп для благополучных туристов. Первое – нужно уехать из Аммана. Второе – выбраться из страны. Лучше бы сделать это одновременно – самолетом улететь, но это вряд ли удастся. Прежде всего нельзя светить свое имя, ведь рано или поздно полиция выйдет на Фейруз, а та непременно вспомнит настоящее имя Ясмин. Еще и Интерпол ввяжется... Да и не дадут Алёне билета: все-таки виза на два месяца просрочена, а здесь такой дотошный народ, помешанный на безопасности. Начнутся разбирательства, потребуют консула, а время идет, идет, и, возможно, уже сейчас к Алиму пришли гости, чтобы поразвлечься с «настоящей русской красавицей»...

Хорошенькое зрелище их ждет, если, устав звонить, они догадаются толкнуться в дверь! Запереть ее снаружи Алёне так и не удалось. Наверное, для этого нужны были совсем другие ключи. Но возвращаться и еще раз обыскивать Алима она не рискнула: внизу гудел, поднимаясь, лифт, и не было никакой гарантии, что он не остановится на одиннадцатом этаже. Поэтому она махнула на все рукой и пошла по лестнице пешком, вызвав лифт уже где-то на шестом этаже, и все время ей казалось, что наверху уже поднялась какая-то суматоха. Какое счастье, что в Аммане не принято ставить лавочки у подъездов и вездесущие старушки сидят в кондиционированных квартирах. Во дворе ни души, только автомобили, доставившие своих пассажиров, сгруппировались у подъездов. Лавируя между ними, Алёна выбралась на улицу.

В первую минуту город оглушил ее, ослепил! Раньше, пока Алим еще не открыл истинной цели ее приезда в Иорданию, он дня два возил Алёну по городу, и в сказочную Петру возил, и даже в Акабу, на побережье, а потом она чуть не три месяца сидела взаперти.

На миг стало страшно от шума и толчеи, захотелось вернуться, забиться куда-нибудь в уголок, зажать руками уши, зажмуриться... Да где там: рядом скрипнуло тормозами такси, шофер приспустил стекло, что-то искательно спросил по-арабски. Алёна неприступно отвернулась, и такси отчалило. Нет, так близко от дома нельзя брать машину. Это будущая зацепка для полиции, нужно еще немножко пройти, и вон там, у фонтанов...

– Маасс саляма! – громко сказал кто-то рядом.

Алёна вздрогнула, настороженно оглянулась. Две молодые пары прощались, желали друг другу всего хорошего. Они с удивлением посмотрели на высокую женщину, которая вдруг шарахнулась в сторону.

Ускорила шаги. Не дай бог, спросят, что с ней, предложат помощь... По-арабски она знает буквально пять слов: и Алим, и остальные всегда говорили с ней только по-английски. Нет, иногда как бы по-русски! Алим с каждым гостем проводил неприменный лингвистический ликбез: обращаясь к Ясмин, следует назвать ее «блядь», а о своих намерениях нужно заявлять так: «Сейчас я тебя затрахую!» Алим думал, что таким образом будет ежедневно, вернее, несколько раз на день дополнительно оскорблять Алёну, однако арабы не могли все это выговорить, и она долгое время вообще не догадывалась, что они бормотали. А когда догадалась, уже так натерпелась, что лишь устало пожала плечами... И все-таки чаша всякого терпения рано или поздно переполняется! Для Алёны последней каплей стала сущая малость – если сравнивать с тем, что ей пришлось пережить. Последний ее клиент отказался платить Алиму, заявив, что имел дело не с настоящей блондинкой, какую обещали в агентстве. У натуральной блондинки, дескать, волосы светлые везде, а не только на голове.

Что ж, по большому счету, он был прав: коса у Алёны была темно-рыжая, цвета красного дерева, ну и в других местах, соответственно, волосы такие же. При первой встрече Алим ничего не сказал, ну а потом, когда ясно и недвусмысленно дал ей понять характер предстоящей работы, потребовал осветлить волосы. Алёна отказалась. Она тогда еще лелеяла идиотские мечты о бегстве, о возвращении на родину, о восстановлении попорченной чести и достоинства и тому подобное. Именно тогда Алим первый раз привел Фейруз, с ее помощью скрутил Ясмин и перекрасил в ослепительную блондинку. С тех пор Фейруз регулярно следила за ее головой, и стоило у корней появиться темным полосочкам, немедленно закрашивала их. А про некоторые прочие детали все забыли, да и арабы были не столь искушены в русских блондинках, чтобы сравнивать, какого цвета волосы у них на лобке и на голове. А этот...

Как ни мерзко, как ни горько было признаваться, Алёна знала: окажись Фейруз сегодня дома, Алимуду удалось бы сделать то, что он собирался. О господи, как же она боялась этой высокой, худой темнокожей фурии! У Фейруз было длинное лицо. Алёне даже не хотелось называть его лошадиным, чтобы не оскорблять лошадей. Толстогубый рот, горбатый нос, жесткие черные волосы, подстриженные а-ля паж... Странное лицо с напряженным взглядом больших, миндалевидных, слишком близко посаженных глаз. Эти лиловые глаза с первой минуты показались Алёне необъяснимо жуткими. Фейруз молча смотрела на яростные попытки Алима управиться с непокорной Ясмин: ведь ее нельзя было бить, чтобы не испортить товар – тело, и русская чертовка это отлично понимала! А потом вдруг Фейруз неуловимым, змеиным движением скользнула за спину Алёны и вцепилась ей в волосы с такой силой, что та на миг ослепла от боли. Тут уж Алим не растерялся: заломил назад руки, защелкнул наручники... Фейруз не отпускала волосы, причем держала так, что Алёна головы повернуть не могла. Именно эта боль, а вовсе не пистолет Алима заставил ее утихнуть: ведь она уже начала мечтать о смерти и дорого бы дала, чтобы нарваться на пулю. Ее впихнули в кресло, задрали ноги, приковали лодыжки к подлокотникам. Алёна кусала губы от ненависти к себе, выкрикивала проклятия, вспомнив, что именно так ее первый раз изнасиловал Алим: оглушил, приковал к креслу, залепил рот пластырем, а потом, дождавшись, когда она очнется, надругался. Неужели и сейчас?..

Алёна и представить не могла, что ее ждет. Фейруз что-то сказала Алимуду, тот, усмехнувшись, вышел, и чернокожая начала раздеваться. Когда Алёна увидела это поджарое нагое тело с плоской грудью и волосатыми, будто у сатира, ногами, ее затошнило. Спазмы подступающей рвоты выбивали слезы, заставляли корчиться, а Фейруз медленно и спокойно, не сводя с Алёны своих расширенных, неподвижных глаз, ножницами разрезала на ней одежду, аккуратно сняла все лоскуты и принялась мять грудь своими длинными черными пальцами. Ладони у нее были светлые, розоватые... Алёна даже кричать не могла – судорога отворачивания свела горло, – только хрипела. Но когда руки Фейруз поползли по ее животу, внезапно обрела голос и заорала, как сумасшедшая:

– Алим! Али-им!

Он вбежал – и засмеялся, встретившись с взглядом ее залитых слезами глаз:

– Разве тебе не нравится? Ты всегда была такая неласковая, поэтому я решил, что предпочитаешь женщин. Нет? Не слышу! Громче!

– Нет, нет! – завопила Алёна, извиваясь от ужаса, пытаясь вырваться из рук Фейруз, которая тискала ей бедра.

– Ну, так что – покрасим волосы? – с невинным видом спросил Алим, потрясая тюбиком с нарисованной на нем ослепительной блондинкой.

– Да! – закричала Алёна. – Только убери ее! Прогони!

Однако остановить Фейруз было не так-то просто, и Алимуду пришлось прокричать ей в ухо что-то по-арабски, судя по интонации, какую-то жуткую угрозу, прежде чем она нехотя разжала пальцы и отвела от распростертого тела помутневшие глаза. И тут же, отбежав в угол, отвернулась к стене и принялась воровато ласкать себя, выкрикивая что-то невнятное. Когда

она успокоилась и сгорбилась на полу, выставив худые лопатки, на лице Алима выразилось отвращение. Обернувшись к Алёне, он сказал:

– Теперь Фейруз останется здесь. Она тебя не тронет, если будешь меня слушаться. А если нет...

Продолжать не требовалось. В памяти Алёны вдруг всплыла одна фотография из того жуткого альбома: голая девушка лежит на столе, рядом толпятся мужчины, а среди них – худая темнокожая женская фигура. Сначала Алёна решила, что это одна из жертв Алима, такая же, как и она, а теперь поняла: да ведь это Фейруз была снята на той фотографии, и не зря она стояла в очереди насильников!

Итак, Фейруз поселилась с ними. В первые дни Алёна готова была умолять Алима не оставлять ее наедине с этой дьяволицей. Она мысленно листала страницы альбома: каждая фотография навеки врезалась ей в память, и все чаще в воспоминаниях возникала худая чернокожая женщина, неременная участница чуть ли не каждой оргии. Но потом поняла, что Алим и сам заинтересован в том, чтобы держать Фейруз на расстоянии от русской невольницы. Алёне иногда приходило в голову, что с теми, кто попадает в руки Фейруз, случается что-то особенно страшное, а Алим еще не получил за нее всех тех денег, на которые рассчитывал, и был заинтересован в сохранности «товара». Однако ужас перед черными руками лесбиянки с их светлыми ладонями прочно завладел душой Алёны, и стоило Фейруз обратить к ней расширенные лиловые глаза и раздвинуть в алчной улыбке свои хищные губы, как она забывала о всяком сопротивлении и слушалась Алима как шелковая. И если бы сегодня Фейруз не ушла...

Кстати, она уходила довольно часто. Видимо, ее плоть требовала не только самоудовлетворения, а Ясмин оставалась недоступной, поэтому искать удовольствия приходилось в других местах. И чуть ли не каждый вечер, когда начинали собираться гости, темнокожая дылда надевала обтягивающие джинсы и мужскую рубашку, а то и легкий, элегантный брючный костюм и исчезала, в самом деле больше похожая на хрупкого юношу, чем на женщину. Благодаря этим частым уходам Алёна могла спать ночами относительно спокойно. Да, Алим совершил огромную ошибку, затеяв новые эксперименты над Алёной в отсутствие Фейруз!

И вдруг ей пришло в голову, что все это произошло не случайно. Может быть, Господь решил, что она искупила свои грехи, может быть, она испила до дна чашу своих страданий? И не просто так, а Божьим промыслом была удалена сегодня из дому Фейруз, Божьим промыслом Алим зажегся постыдной затеей и решил осуществить ее себе на погибель? А раз так, не тот ли это знак, которого Алёна ждет: знак ее будущего?

Она глубоко вздохнула, пытаясь прогнать воспоминания. Не о прошлом, не о будущем надо сейчас думать – только о настоящем! Хватит бродить пешком. Надо взять машину, там она по крайней мере будет вызывать удивление своим одиночеством только у водителя, а здесь каждый второй бросает недоумевающие взгляды на торопливо идущую женщину в черном. Арабки практически не появляются на улицах без сопровождения. Как правило, выходят с мужчиной, будь то муж, брат, дядя, отец – любой родственник по мужской линии. Очень часто несколько дам выходят с одним сопровождающим.

Алёна бросала вокруг нерешительные взгляды. Стоянки такси что-то не видно. Машины ползут вдоль тротуара, но почему-то страшно решиться и остановить одну из них. Она не знает, как по-арабски подзывают такси. Понимает ли шофер по-английски? Наверняка это не проблема. Проблема в том, что, заговорив по-английски, она явно привлечет внимание.

Рядом с ней к тротуару подрулил автомобиль. Из него выбрался один пассажир, второй, очевидно, рассчитывался с водителем. Алёна ускорила шаги, надеясь добраться до такси прежде, чем оно тронется с места, как вдруг автомобиль взревел мотором и устремился прочь. Пассажир обернулся так резко, что налетел на Алёну и едва не схватил ее за рукав, чтобы не упасть.

– Пардон, мадам, – рассеянно пробормотал он, – миль пардон...

И оба они с одинаковым изумлением уставились вслед такси, которое уже исчезло вдали.

Юрий Никифоров. Май 1999

– Эй! – крикнул Юрий. – Куда вы?

Он ничего не мог понять и озирался, словно все еще надеялся обнаружить около себя парня в оранжевой каскетке. Но не видел никого, кроме этой высокой арабки, которая смотрела на него почему-то с испугом. Еще позовет полицию – мол, странный иностранец, не спятил ли, а может, выскивает в толпе жертву для своих экстремистских замыслов? Юрий натянуто улыбнулся:

– О'кей, все о'кей!

Как бы не так! Он совершенно не представлял, что теперь делать, куда идти, и по-прежнему всматривался в ряды машин, словно надеялся: вот сейчас подрулит к тротуару желтый автомобиль и оттуда высунется голова в знакомой каскетке: извини, мол, дружище, я тут кое-что вспомнил неотложное, а теперь можем следовать дальше. Никто, конечно, не подруливал, только эта женщина в черном так и стояла рядом как пришитая и смотрела на Юрия все с тем же тревожным любопытством.

Бросил ей легкую улыбку:

– Какие-то проблемы?

А она, вообразите, ответила:

– Да...

Юрий снова захлопал глазами: русская, ты погляди! А ведь не отличишь от местных. Хотя, если присмотреться, видно, что совсем не смуглая, во-первых, и глаза светлые, только сильно подведены черным. А, ну понятно. Вышла, видимо, замуж за иорданца, а теперь услышала родную речь и не смогла пройти мимо. Ностальгия, то-сё... Не поможет ли соотечественница Юрию в его неразрешимой ситуации? Хотя, похоже, у нее свои неприятности, вон какое измученное лицо.

– Вы действительно русский? – спросила она недоверчиво. – Турист?

– Руссо туристо, облик морале? – попытался усмехнуться Юрий. – Русский, да, но не турист, к сожалению. В командировке тут. А вы здесь живете?

Она нервно сглотнула, и Юрий увидел, что глаза незнакомки так и блестят непролитыми слезами.

– Послушайте, – заговорила она низким голосом, в котором звучали готовые прорваться рыдания. – У меня неприятности, надо срочно уехать. К сожалению, я не знаю арабского, а если буду объясняться с таксистом по-английски, это может вызвать подозрения. И вообще, здесь одинокие женщины на улице сразу привлекают внимание, вы понимаете? Пожалуйста, поймайте мне такси, очень вас прошу! И объясните водителю, что мне надо в Акабу. Даю двести долларов, это очень хорошая сумма, он должен согласиться.

Юрий растерянно моргнул. Вот так номер!

– Вы извините, но я по-арабски ни слова не знаю, – пробормотал, чувствуя себя невероятно глупо. – Я только сегодня прилетел. Мне просто надо кое-что передать одним людям, а вечером – обратно в Москву.

И вдруг до него дошло, что улететь обратно будет, пожалуй, совсем непросто. Ведь билет он должен был получить в обмен на кассету! Кассета никуда не делась, но как добраться до тех, кому она была до зарезу нужна? Может быть, позвонить Сане – так, мол, и так, вляпался в идиотскую историю, что делать дальше? Хорошенькие же слова услышит он от приятеля! А если об этом когда-нибудь узнает Лора... «Разумеется, – скажет она, – я вообще не уверена, что есть на свете такое дело, которое бы этот придурок не завалил!» Нет, ну как же быть?

И вдруг его осенило. Да ведь именно ради такого случая Саня дал ему визитку с телефоном! Вот и пригодилась.

Юрий огляделся, увидел неподалеку стойку телефона-автомата и ринулся туда, машинально нашаривая в кармане карточку. О, черт! Здесь уж точно не в ходу нижегородские карточки! А ничего другого у него нет.

– Извините, у вас не найдется жетона или карточки – ну, чтобы позвонить? – обернулся он к женщине.

Та машинально пошарила в складках своего одеяния, но покачала головой.

Юрий в отчаянии огляделся, готовый взывать к прохожим. Но кто поймет его отчаянный вопрос: «Скажите, пожалуйста, где здесь можно купить телефонную карту?» И от этой дамочки в черном нет толку. Надо же – жить в стране и не знать ее языка! Да и он тоже хорош. Говорила, говорила ему Лора: «Учи английский, ну что ты зря в библиотеке сидишь!» Тогда его невероятно злили эти слова, а теперь и впрямь показалось – зря, зря время проводил...

Надеясь на чудо, Юрий подошел к автомату и вздрогнул, увидев торчащую из прорези карту. Неужели чудеса все-таки случаются? Нет, карта, конечно, использованная, не стоит надеяться... Протолкнул ее поглубже – на табло появились цифры. Есть Бог на свете!

Юрий нашел визитку, набрал номер, затаил дыхание в ожидании ответа, заранее ужасаясь, что будет делать, если ответят по-арабски.

– Алло? – произнес грубоватый голос. Русский голос, точно!

– Вы говорите по-русски? – спросил Юрий.

– Н-ну? – прозвучало в ответ.

– Привет от Сани Путятин, – выговорил нерешительно и вздрогнул от радости, услышав:

– Большой, горячий? Давай сюда! – И без всякой передышки: – Куда ж ты, сукин сын, запропастился? Тебя до сих пор ждут! В сортире, что ли, застрял? Давай немедленно жми к выходу, машина на условленном месте! Сейчас я им перезвоню, скажу, что ты объявился. Ну, чао! И смотри, больше не пропадай!

– Погодите, не вешайте трубку! – завопил Юрий. – Тут такое дело...

– Какое еще дело? – Голос незнакомца стал строже.

– Да я... словом, я сейчас не в аэропорту, – выдохнул Юрий. – Да погодите вы материться, ну, тише, дайте сказать! Так получилось, понимаете? Так по-лу-чи-лось! Все объясню при встрече. Вы можете за мной приехать?

– Куда? – спросил незнакомец, на диво быстро совладав с эмоциями. – Ты где находишься?

– Я...

Хороший вопросик!

– Девушка, извините, – крикнул той особе в черном, которая все еще топталась неподалеку, – не подскажите, как называется это место – ну, где мы сейчас находимся?

Она растерянно огляделась, пожала плечами:

– Не знаю...

У Юрия немного полегчало на душе. Все-таки он не последний дурак на свете – нет, не последний! Правда, еще не факт, что с этим согласится его телефонный собеседник.

– Вы слушаете меня? Понимаете, я не могу объяснить, где нахожусь. Я сюда попал нечаянно. Словом, это долго объяснять. Вот что, давайте лучше я к вам приеду, хорошо? Вы скажите адрес, только не очень быстро, я запишу и объясню таксисту, куда ехать.

Он достал ручку и перевернул визитку, готовясь записывать на ее обороте адрес. Однако собеседник произнес что-то несусветное, и Юрий почувствовал, что начинает злиться. В конце концов, разве он виноват, что так получилось? К нему подошел человек в оранжевой каскетке, правильно ответил на пароль, знал его имя... Сколько можно материться? Юрий ведь может и ответить!

– Хватит, а? – произнес холодно. – Потом побеседуем, при встрече. У меня карточка в любую минуту может кончиться, а где другую взять, я не знаю. Говорите адрес, ну!

– Я и говорю! – В голосе собеседника звучало удивление. – Я сказал адрес. А, ну, понятно, ты арабского не знаешь. Ладно, здесь все по-английски говорят, так что скажешь таксёру, пусть едет к храму Геракла, там и побеседуем, а то, боюсь, ты по адресу нас не скоро найдешь!

– Храм Геракла? – с проблеском исторического восторга переспросил Юрий. – Это что, римские развалины?!

– Они самые, – был ответ. – Только умоляю, бери такси прямо сейчас, потому что время, время... Сам же рискуешь не улететь сегодня! Деньги у тебя есть? Даже с противоположного конца города это не больше десяти баксов, так что не переплачивай, торгуйся. А, черт, я забыл, что ты не знаешь языка! Нашли, блин, кого посылать курьером. Храм Геракла, понял? Сейчас у нас сколько, пять? Даю полчаса на дорогу, этого за глаза хватит. Ну, все! Езжай и, умоляю тебя, не пропадай сно...

Раздался протяжный гудок, и по табло побежали черточки, означающие, что время разговора вышло. Впрочем, и так все ясно, о чем еще говорить с сердитым соотечественником?

Юрий обернулся к дороге – и, будто по заказу, к нему подрулила желтая машинка, причем она была по всем параметрам, от цвета до облика шофера, до такой степени схожа с той, первой, что Юрий с надеждой обшарил глазами салон: не сидит ли там парень в оранжевой каскетке?

Разумеется, никого там не было.

– Такси, мистер? – осведомился водила, высунувшись из окошка.

– Такси, такси! – обрадовался Юрий. – До храма Геракла доедем?

Таксист неуверенно улыбнулся. Не расслышал, что ли?

– До храма Геракла! Ну, это где римские развалины, первый век.

Шофер покачал головой. Может, Юрий что-то напутал и развалины относятся к другому периоду?

– Храм Ге-рак-ла, понял? – повторил он по слогам, но таксист покачал головой, показывая на уши.

Оглох, никак? О, черт, да ведь водитель не понимает, чего хочет от него Юрий! Дьявольщина, надо было спросить того мужика, как по-английски «храм Геракла»! Как же теперь объяснить этому недоумку...

– Hercules Temple, please, – послышался рядом женский голос. – Roman ruins. As quickly, as possible ².

Лицо водителя прояснилось, он кивнул, приглашающе махнул рукой. Юрий уже собрался сесть, но вдруг «русская арабка» открыла заднюю дверь и, высоко подобрав платье, так, что открылись ноги чуть не до колен, забралась на сиденье.

– Что...

Она взглянула так, что Юрий осекся:

– Вы же пропадете без языка. А я хоть английский знаю. Вместе нам будет проще. Доедем до ваших развалин, а оттуда я отправлюсь своим путем. Кстати, если у вас проблемы еще и с деньгами, могу это взять на себя.

– Спасибо, – буркнул он, усаживаясь рядом с ней и почему-то чувствуя себя невероятно глупо. – Если это в пределах пятидесяти баксов, то я вполне платежеспособен.

– Сейчас выясним.

Последовали недолгие переговоры, во время которых таксист то и дело пытался заговорить по-арабски, но был снова и снова направляем в русло английской речи.

– Ничего особенного, – сказала наконец женщина. – Просил двадцать, стоворились на десяти. Едем, что ли?

– Едем, и поскорее!

² Храм Геракла, пожалуйста. Римские развалины. Как можно быстрее (англ.).

Женщина махнула таксисту, который наблюдал за странными пассажирами в зеркальце заднего вида, и машина тронулась с места.

Юрий насупился. Он совершенно не знал, как себя держать с этой дамой, которая так бесцеремонно взяла бразды правления в свои руки. Интересно, что же в нем все-таки есть такое, что позволяет женщинам с первой же минуты общения играть ведущую роль? Или на физиономии у Юрия штампик такой стоит: «Я – подкаблучник»? Ничего, ничего, это наследие прошлого. Лора основательно его проштемпелевала, но скоро и следа от ее штампиков не останется! Сейчас главное, чтобы эта первая поездка сошла благополучно, чтобы Саня остался им доволен...

Он встрепенулся, сообразив, что ведет себя довольно-таки по-хамски. Все-таки эта незнакомая женщина ему помогла, надо поблагодарить ее, что ли.

– Спасибо, – выдавил, повернувшись. – Уж не знаю, как бы я без вас объяснился...

– Ничего особенного, – поглядела она с улыбкой – довольно унылой, впрочем. – Значит, вы прямо сегодня уезжаете, да? И билет уже есть?

Голос дрогнул, и Юрию вдруг захотелось взять ее за руку, сказать что-нибудь успокаивающее.

– Вы говорили, у вас какие-то неприятности? Может, я чем-то...

– Нет, – покачала она головой. – Это мои проблемы, не хочу вас ни во что такое впутывать. Тем более вы сегодня улетаете. Все, что мне было нужно, это взять такси, теперь благодаря вам я это сделала, так что мы квиты.

– Ну, если так... – Он пожал плечами. – А вы давно в Аммане?

– Три месяца, – выговорила она глухо. – Извините, это неинтересная история. Посмотрите, вон там, кстати, тоже римские развалины: амфитеатр.

Справа промелькнуло могучее сооружение из темного камня, изъеденного временем, и у Юрия на миг захватило дыхание: и в самом деле несусветная древность! Эх, вот бы остановиться, побродить по этим сточенным временем и тысячами ног ступеням... Нет, сейчас у него нет такого права, но, может быть, когда его повезут в аэропорт, удастся уговорить сопровождающих притормозить.

– Красиво... – выдохнула женщина. – Особенно рядом со всеми этими новехонькими виллами, правда?

– Вот именно. Старое и новое – это всегда впечатляющий контраст. Особенно когда он не в пользу нового. У нас в Нижнем, в кремле, додумались совки – построили здание обкома партии в таком стеклобетонном стиле, жуть! Теперь там администрация, губернатор сидит. Главное, что это уродство стоит рядом с постройками времен Древней Руси, рядом с потрясающей церковью Михаила Архангела... Ну, вы себе представляете!

Она поглядела такими глазами – Юрий даже вздрогнул.

– Вы что, из Нижнего? Из Нижнего Новгорода? И прямо туда полетите вечером?

– Нет, в Москву, – ответил он, теряясь. – К нам нет прямого самолета. А вы бывали в Нижнем, да?

Она не ответила – отвернулась к окну, будто страх как увлеклась разглядыванием беленьких особнячков под красными черепичными крышами, но плечи вздрогнули раз, другой...

Юрий замер. Плачет? Спросить, что случилось? Промолчать? Может быть, сама скажет? Но женщина молчала, ее плечи, перестав дрожать, устало поникли.

Дорога поднималась довольно круто вверх, по бокам виднелись редкие виллы, но в основном город оставался внизу, словно не осмеливался подступать к исполинским колоннам, возвышавшимся на вершине холма. Строгий дорический стиль, развалины портика – вот это и называется дыханием вечности, разрушающим даже мрамор...

Храм Геракла! Вон он, храм Геракла!

У Юрия перехватило дыхание.

Машина остановилась, но он был не в силах двинуться с места, пораженный этой встречей с прошлым.

– Приехали, – с ласковой насмешкой в голосе произнесла девушка. – Вон они, ваши римские развалины. Прошу любить и жаловать. Господи, какое чудо!..

Юрий как во сне протянул водителю десять долларов, выбрался, замирая от восторга. Не оглядываясь, ног под собой не чуя, побрел по выжженной глине туда, вперед, к этим величественным руинам, свидетелям бывшего могущества. Римская империя... Великая Римская империя, равных тебе нет и не было на свете!

Ветер бил в глаза, вышибал слезы. Ветер, конечно, а что же еще?

– Эй, привет, ты не нас ищешь?

Русская речь заставила Юрия вздрогнуть. Оглянувшись, с досадой вспомнил, что все-таки не на экскурсию сюда прибыл:

– Да, если вы Санины друзья. Я от Сани Путятин.

– Привет его можешь оставить себе, – неласково буркнул огромный рыжий парень с детскими голубыми глазами, до жути похожий на дебила-убийцу. – А нам кассету подавай.

Юрий не стал мелочиться, требовать отзыва, тем более что сам же и скомкал пароль. Расстегнул «молнию» на сумке, достал кассету в коробочке с надписью «Conika»:

– Пожалуйста. Ваша вещь.

Парень осторожно, двумя толстыми, как сардельки, пальцами, взял кассету и недоверчиво хмыкнул, взглянув на наклейку:

– «Черное танго». Вроде все правильно!

– Ну, все в порядке? – спросил Юрий с ноткой нетерпения. – Давайте билет – и можем ехать в аэропорт. Только одна просьба: сейчас еще шести нет, можно мне еще четверть часика тут побродить? Пожалуйста, прошу вас. У меня вряд ли будет еще такой шанс в жизни, а ведь это Рим, настоящий, подлинный Древний Рим...

– Да на здоровье, – колыхнулись могучие плечи рыжего. – Броди по своему Древнему Риму. Все равно ребятам проверить кассету надо.

И он, не глядя, протянул кассету за спину. Оттуда выдвинулся не замеченный прежде Юрием тощий парень, схватил коробочку и трусцой побежал к темно-зеленому «Мерседесу», стоящему у обочины.

«Как же они будут проверять кассету? – удивился было Юрий. – Поедут куда-то, где есть видик? Хотя что это я, дурак, у них же видик наверняка в машине, как у того парня, который привозил кассету в Шереметьево и демонстрировал ее Сане!»

Зависть привычно резанула по сердцу, но тут же ветер вечности развеял ее. Единственное, в чем Юрий мог сейчас завидовать пассажирам изумительного «мерса», так это возможности хоть каждый день видеть развалины храма Геракла! Побрел вперед, невольно вздрагивая, когда какие-то растения с желтыми головками вдруг начинали упруго хлестать по ногам. Возможно, точно такие же росли тут еще в те времена, когда полуголые рабы под присмотром легионеров в золоченых шлемах возводили исполинское сооружение во имя великого героя, посмертно причисленного к сонму богов на Олимпе... Даже сигнал туристского автобуса, созывающий увлекшихся пассажиров, воспринимался здесь как-то по-особому, как призыв проститься с древностью и вернуться в наше время.

Что-то засопело за спиной, распугав мысли. Юрий оглянулся – рыжий тащился следом, утирая огромным клетчатым платком пот со лба.

Честно говоря, Юрий не сразу понял, что рыжий следит за ним. Думал, ну мало ли, может, у него раньше не было времени полюбоваться всей этой красотой, а тут решил воспользоваться случаем. Однако он быстренько расстался со своими иллюзиями: раздался какой-то писк, рыжий снял с пояса трубку сотового, выслушал короткую команду, а потом вдруг вце-

пился в руку Юрия и поволок его к машине. Тот попытался протестующе крикнуть, как-то замедлить такую бесцеремонную транспортировку, однако парень только глянул на него с детским, обиженным выражением лица и еще сильнее стиснул руку. Пришлось заткнуться.

У машины их уже ждали. Небольшой человек с умным и злым одутловатым лицом стоял, руки в брюки, и вроде бы спокойно смотрел на приближающихся, однако Юрий еще на расстоянии уловил волны страшного напряжения, исходившие от него. Уставившись на Юрия своими бездонными жгуче-черными глазами, человек тихо сказал:

– Ошибка в сервисе. Что мы уж точно не заказывали, так это «Кубанских казаков»!

И вдруг ткнул Юрия кулаком в солнечное сплетение, почти не размахиваясь, но с такой силой, что тот согнулся, лишившись дыхания, и упал бы лицом на подножку, если бы рыжий не поддержал его, сграбастав рубаху на спине.

Не дав Юрию прокашляться и отдышаться, человек с одутловатым лицом ударил его еще раз и только потом сообразовал пояснить:

– Пленка не та! Мы ждали «Черное танго», название на кассете то же, но внутри... Куда ты дел нашу кассету, скотина?!

Каким-то образом Юрию удалось отшатнуться и слегка ослабить удар, а потом выдавить сквозь стоны:

– Да вы что?! Я привез, что мне дали!

Боль была жуткая, он и не предполагал, что бывает такая боль. Но, судя по выражению этого одутловатого лица и по хватке, которой держал его рыжий, эти двое не собирались прекращать избиение. И в машине угадывалось какое-то движение: там, наверное, были еще люди, и где гарантия, что они сейчас тоже не выйдут и не начнут отрабатывать хук и апперкот на незадачливом курьере?

Постепенно суть случившегося начала доходить до замутненного сознания Юрия. Итак, кассета была проверена на видеомagneтoфoнe, который находился в машине, и эти люди обнаружили, что им доставили не тот товар. Ну что ж, бывает всякое, русский рынок есть базар, как известно, а не надуешь – не продашь. Эти же друзья покупали натурально кота в мешке. Непонятно только, почему их гнев обрушился на Юрия, который в этом деле просто передаточное звено, не больше. Если кто и виноват в подмене, то только Саня. К нему и вопросы, пожалуйста. Хотя Саня далеко, а курьер – вот он, голыми руками взять можно. Его и взяли...

– При чем тут я? – выкрикнул Юрий погромче, пытаясь выпрямиться. Боль уже воспринималась им как нечто второстепенное. Сейчас главное было – оправдаться в глазах этих людей, от которых зависело его возвращение... и вознаграждение, между прочим.

И вдруг его осенило. А вдруг все это делается только затем, чтобы не платить ему? Курьер всегда выступает в роли крайнего, на нем отыгрываются все, кто может. Что, если все это – липа для дурачка, а потом его тысячу баксов эти ухари поделят между собой, только и всего? И тут же ему пришло в голову, что стабильное безденежье там, дома, начало превращать его в дурачка. Ну что такое несчастная тысяча долларов для людей, которые ездят на таком «Мерседесе»? Да им эти деньги достать из кармана – проще, чем устраивать ринг на открытом воздухе, в присутствии, между прочим, нескольких десятков туристов, которые слоняются по развалинам, с одинаковым любопытством озирая все вокруг: и мраморные останки храма, и живых людей, которые вдруг начали избивать себе подобного. Да и ярость этого одутловатого человека отнюдь не наиграна, а очень даже искренняя. Неужели.. неужели вправду произошел какой-то прокол и Юрий привез не то, что надо?! Но как это могло случиться? Ведь Сане была вручена кассета прямо в Шереметьево, накануне вылета. Выходит, их обоих подставили какие-то люди?

Похоже, невольно обманутый Юрием человек обладал немалой проницательностью, потому что его набрякшее лицо вдруг искривила пренебрежительная ухмылка и он брезгливо сказал:

– Только не надо брехать, будто «все так и было» и эту самую кассетку тебе дали в Москве. Если бы мы тебя прямо с борта взяли, ты еще мог бы что-то вякать в свое оправдание, еще какие-то шансы у тебя были бы, но после того, как ты шлялся по Амману неизвестно сколько...

Юрий смотрел на него, но видел не это искаженное злобой смуглое лицо. Перед ним маячила добродушная, простецкая физиономия под низко надвинутым козырьком оранжевой каскетки, слышался развязный московский говорок, виделось желтое такси, улетающее в глубину улиц чужого города...

Да ведь его подставили! Этот парень нарочно появился в аэропорту, перехватил Юрия! Он врал, уверяя, будто машина сломалась, – на самом деле его ждали встречающие, но тому парню в каскетке (понятно, что надел он ее тоже неспроста!) зачем-то было необходимо, чтобы эта встреча не состоялась. Причем если бы Юрия завезли в какой-нибудь подвал видеопиратов и начали вымогать кассету с помощью угроз и пыток, это бы еще куда ни шло (хотя вполне достаточно было просто выхватить сумку у него из рук и дать деру). Но в задачу парня входило просто отсрочить встречу Юрия с людьми, к которым он, собственно, направлялся. Ну, тогда это чистой воды садизм! Парень не мог не понимать, какой гнев обрушится на обманутого им человека! Дикость какая-то, ну и нравы у них тут, в Аммане!

Юрий, стараясь не выпускать из виду стиснутые кулаки рыжего, торопливо, сбивчиво начал рассказывать историю своих иорданских приключений. То ему казалось, будто его рассказ чересчур подробен, и он начинал частить, то мысленно ругал себя за спешку и пускался в новые подробности...

Человек с одутловатым лицом слушал с удивительным терпением, и на какой-то миг Юрию показалось, что ему удалось доказать свою невиновность. Особенно когда привел совсем уж сногшибательный, по его мнению, довод:

– Да если бы я знал, что кассета не та, ну разве позвонил бы вам? Разве приехал бы сюда, прекрасно понимая, как вы меня встретите? Ну разве это не доказывает, что я тут совершенно ни при чем, что меня обвели вокруг пальца точно так же, как и вас?

– Это всего-навсего доказывает, что ты еще больший дурак, чем кажешься с первого взгляда, – уже не зло, а как бы даже устало произнес одутловатый. – Сам себя перехитрил, да? Решил, что мы не будем проверять кассету, слопаем на радостях, не глядя? А ты заработаешь не только на том, что наш материал налево загнал, но еще втихую сорвешь эту жалкую тыщу баксов, возьмешь свой обратный билетик... Из-за таких-то жалких денег так рисковать?! Ну и жмот же ты, Юрий Никифоров! А жадность, как известно, фраера сгубила. Вот и твоя жадность тебя погубит. Видишь ли, никто, кроме тебя, не знал и знать не мог, что водитель того «Форда» будет в оранжевой каскетке. Пароля никто не знал... Никто, кроме тебя!

– Но ведь и вы знали! – воскликнул Юрий. – Почему вы не думаете, что информация могла просочиться к конкурирующей фирме от вас? Или от тех людей, которые передавали мне кассету?

– Исключено, – незнакомец без раздумий покачал головой. – Слишком многое у них зависит от этой кассеты. Да и у нас тоже. Ты, лох, и не подозревал, в какие игры влез. Зато сейчас узнаешь. Хватит тут торчать, садись в машину, поехали.

Рыжий выпустил руку Юрия и открыл перед ним дверцу «Мерседеса». Пахло дорогой кожей, хорошей туалетной водой – пахло роскошью, богатством...

И смертью. Юрий отпрянул, совершенно точно зная: если он сядет в этот «мерс», то вряд ли выйдет оттуда живым.

Автобус вдруг завопил нечеловеческим голосом, словно предупреждая об опасности. Юрий рванулся в сторону, рыжий снова вцепился в него сзади, и тут...

– Извините, пожалуйста, вы русские?

Женский голос, мелодичный, беззаботный, зазвучал так внезапно, что все трое на миг остолбенели и резко оглянулись. Разом кивнули, уставившись на длинноногую красотку в бер-

мудах, не скрывавших ошеломительных ног, и легкомысленной маечке, натянувшейся на тугих сосках. Ее соломенные волосы были разметаны ветром, голубые глаза сияли пустотой, как у куклы Барби, красивый рот щедро улыбался. Юрий услышал, как рыжий за его спиной громко сглотнул.

– Пожалуйста, сфотографируйте нас с другом на фоне этих дивных руин, хорошо?

Она протянула аппарат как бы всем троим, но когда рыжий попытался схватить его, девушка неуловимым движением обогнула его короткопалую ладонь и сунула фотоаппарат прямо в руки Юрия. Тот машинально его принял.

– Несколько кадров, ладно? Только давайте подойдем поближе, а то мелкогато получится. – Девушка отошла, приглашающе махнув Юрию. – Ну что же вы? Пошли, пошли. Просто грех не сняться здесь, все-таки не что-нибудь, а Hercules Temple. Roman ruins. As quickly, as possible!

Юрий споткнулся.

– Эй ты, поосторожнее! – рыкнул черноглазый. – Это же «Саппон»!

Девушка быстро пошла, почти побежала к какому-то долговязому туристу, в позе античной статуи торчавшему на обломках портика. Юрий, все ускоряя шаги, двинулся за ней. В какое-то мгновение он ощутил, что не слышит за спиной привычного сопенья рыжего детины. В ту же минуту девушка оглянулась, сверкнула на него голубыми глазами – и вдруг рванулась к дороге со всех своих длинных ног.

Юрий понесся следом. Он уже почти догнал девушку, когда она опять обернулась и выдохнула:

– Фотоаппарат оставьте!

Юрий на бегу взглянул через плечо. До рыжего вроде бы что-то дошло, но весьма слабо: похоже, он просто не мог поверить в такую наглость. Одутловатый хлопал себя по бокам и что-то кричал, но слов не было слышно – ветер дул в другую сторону. Лицо его набрякло ненавистью. Зато крики того долговязого туриста, который, не дождавшись фотографирования, бежал сейчас от обломков портика, были слышны совершенно отчетливо. Юрий на какой-то миг удивился витиеватости выражений, а главное, что все понимает без перевода, но тотчас понял, что мужик вопит по-русски. Значит, это была группа русских туристов, вот так совпадение! Поистине, русские идут!

Мысль мелькнула и пропала. Юрий швырнул аппарат на выступ какой-то плиты и еще шибче заработал ногами.

Кончились античные колдобины – беглецы выскочили на дорогу. Девушка рванула дверцу желтенькой машинки, притулившейся у обочины, влетела на заднее сиденье. Юрий заскочил следом. Она что-то крикнула по-английски – так пронзительно, что таксист подскочил, но руль, по счастью, не выпустил, – и такси ринулось вниз по склону.

Юрий оглянулся. Рыжий уже выбежал на дорогу, одутловатый отставал от него буквально шагов на пять. Долговязый турист размахивал своим аппаратом и грозил кулаком. Но все это были пустяки. Гораздо хуже оказалось то, что «Мерседес» проворно вывернул из-за развалин и явно намеревался ринуться в погоню за такси. Он задержался всего на полминуты, чтобы рыжий и одутловатый успели вскочить в машину, однако это крохотное промедление оказалось на руку беглецам.

Двухэтажный туристский автобус выбрал именно этот миг для разворота. «Мерседесу» пришлось резко затормозить, чтобы не врубиться в его бампер, и дорога оказалась надежно перегороджена неуклюжим мастодонтом, который возмущенно затрубил, но и не подумал пропустить машину.

Юрий узнал этот вой и мысленно ахнул. Да здравствуют доисторические животные! А еще – да здравствуют русские женщины, лучшие женщины в арабском мире!

Он взглянул на свою спасительницу. Та со страшной скоростью напяливала на себя арабскую хламиду, что-то настойчиво твердя водителю. Такси понеслось как стрела. Шоссе завиляло поворотами, пыль плотными вихрями змеилась по глинистым обочинам.

Врезавшись в сумятицу городских улиц, такси остановилось, повинуясь приказу «арабки». Сунув шоферу зеленую купюру, девушка вытолкнула из машины Юрия и выскочила следом, волоча свой пластиковый пакет. Захлопнулась дверца, и, сорвавшись с места, такси мгновенно исчезло вдали.

– Господи, – ошеломленно вымолвил Юрий, – до чего же они здесь, в Аммане, пугливые!

Девушка усмехнулась через плечо (она стремительно шагала по улице, не выпуская руки неожиданного попутчика и, по сути дела, волоча его за собой):

– Я ему заплатила, чтобы он еще какое-то время попетлял по улицам. Эти ваши друзья вполне могли заметить номер, вот пусть и поищут его.

Она резко остановилась рядом с палаткой, в которой горой были навалены арабские одеяния: в таких рубахах и красно-белых клетчатых головных уборах, перехваченных черными жгутами, как заметил Юрий, ходила половина мужского населения.

«Нашла время покупать сувениры!» – мелькнула мысль, но в следующий миг девушка схватила с прилавка громоздкую белую рубаху и обрушила ее на Юрия – прямо поверх одежды. Не успел он перевести дух, выныривая изпряно пахнущего сугроба, как на его голову была нахлобучена красно-белая «косынка» и придавлена черным жгутом. На нос ему водрузили темные очки, оказавшиеся на том же прилавке. Девушка сунула деньги продавцу, который, похоже, ничуть не был удивлен этим уличным маскарадом, и вновь повлекла Юрия за собой, изредка оглядываясь и объясняя, словно в утешение:

– Рубаха называется галабея, а косынка – куфья. Здесь все так ходят.

Что верно, то верно – здесь «так» ходили все, и Юрий не мог не оценить хитрости незнакомки: теперь они на первый взгляд ничем не отличались от других арабских пар. Она надвинула платок до самых бровей и опять спряталась под чадру, хотя, обратил внимание Юрий, многие женщины ходили с открытыми лицами.

У нее чадра, у него очки – да их теперь ни за что не узнать! Вот голова у этой девчонки! Пожалуй, впервые он столкнулся с открытием, что женщины способны не только пакости мужчинам подстраивать, но и пользу им приносить.

– Господи, я даже не поблагодарил вас, – пробормотал, спохватившись. – Если бы не вы... Наверное, они либо пристрелили бы меня, либо задушили в машине. Вы мне жизнь спасли... жизнь! Пока никак не могу вас отблагодарить, только словами, но отныне я...

Она махнула рукой, не глядя:

– Это я вас благодарить должна, если честно.

– Что за глупости, почему?!

– Потому что вы восстановили равновесие. И давайте больше не будем на эту тему, хорошо?

Юрий покорно умолк. Загадочная особа. И выражается загадочно. Если задуматься, эта ее фраза о равновесии очень многое в себе таит. Да нет, не может такого быть, это ерунда – то, что вдруг пришло в голову!

– А почему вы не уехали сразу? – спросил осторожно.

Девушка пожала плечами:

– Сама не знаю. Может быть, хотела еще немножко посмотреть на этот самый Hercules Temple. Я ведь его, честно говоря, и не видела толком, хотя прожила в Аммане три месяца. Ну а когда вас повели к машине, мне сразу показалось, что дело неладно.

– Да уж... – буркнул Юрий. – Главное, все это было для меня настолько неожиданно и необъяснимо, что я от растерянности даже не смог им сопротивляться. Полная нелепица, полнейшая!

– Если не секрет...

– Какой тут секрет! У меня было пустяковое, но приятное поручение: отвезти кассету с... ей-богу, не знаю, что там было изображено, да меня это совершенно и не интересовало. Поручение дал мой старинный товарищ, друг детства, так сказать, я ему страшно благодарен, что пришел на помощь в трудную минуту, дал подзаработать. У него в Нижнем Новгороде фирма – называется «Меркурий», специализируется на доставке всего и повсюду. Знаете, такие курьерские организации? Курьеры, курьеры, тридцать пять тысяч одних курьеров! По всей России, по СНГ, за границу отправляют деньги, домашних животных, букеты ко дню рождения, экспресс-почту, контейнеры с вещами – ну все, все, что только можно вообразить! При чем с невероятной скоростью, не считаясь с расходами, которые всяко себя окупают. Ведь если человек спешит, если у него горит, он любые деньги выложит. Я так понимаю, этот заказ был чрезвычайно выгоден, если Саня нипочем не хотел его упустить и поручил случайному в общем-то в его бизнесе человеку лететь в Амман.

– У вас что, виза была?

– Да что вы, какая виза! – махнул рукой Юрий. – Все это было сделано Саней буквально в два денька.

– А где же в это время были тридцать пять тысяч курьеров?

– Да господь их знает, – дернул плечом Юрий. – На каких-нибудь других заданиях.

– И кассета оказалась не та, – задумчиво произнесла девушка. – Надо же, как обидно, столько сил затрачено, чтобы помочь случайному в общем-то, как вы говорите, человеку, а товар оказался не тот...

Юрий глянул на нее подозрительно:

– Что-то не пойму, к чему вы клоните. Между прочим, кассету нам с Саней вручили уже в Шереметьево, перед самой посадкой, так что если вы намекаете, будто Саня мог меня нарочно подставить, как человека случайного и попросту лоха в этом бизнесе, то это вряд ли. Вдобавок человек, который кассету привез, продемонстрировал ее Сане в своем автомобиле, не всю, конечно, какие-то фрагменты, но тот остался доволен и подтвердил, что все в порядке.

– Значит, те добрые люди на развалинах храма Геракла предъявляли к вам совершенно справедливые претензии! – усмехнулась девушка. – Значит, это вы подменили кассетку!

По-хорошему за такие шутки... Но Юрий вдруг поймал себя на том, что не в силах на нее рассердиться. Все-таки обижаться на человека, который спас тебе жизнь, – мелочно.

– Ей-богу, я в этом деле чист, – сказал он серьезно, сам не зная, почему ему так важно, чтобы незнакомка не считала его мелким шулером и щипачем. – Ну, посудите сами, разве я полез бы к черту в зубы, сунулся бы к этим ребятам, зная, что товар заведомо не тот? Они этот довод не приняли во внимание, а вы прикиньте все-таки: стал бы?

– Да нет, вряд ли, – согласилась девушка. – Тогда остается одно: кассету в пути подменили.

Юрий ничего не сказал, только пренебрежительно присвистнул.

– А почему это вам кажется таким уж невероятным? Вы что, везли кассету у самого сердца? Насколько я понимаю, она была в вашей сумке... которой у вас, кстати, больше нет.

Юрий даже зажмурился. Паспорт! Загранпаспорт! Он был в сумке...

– В чем дело? – Девушка встревоженно взглянула на него. – Что с вами?

– О, зараза! – выдохнул он. – Все мои документы! Как же я теперь отсюда выберусь?! Ох, придурок, придурок я, так драл оттуда, что обо всем на свете забыл! Нет чтобы вернуться, схватить сумку, она же была на заднем сиденье, только руку протяни...

– Да вы в уме? – рассердилась она. – Какая сумка! Какие документы! Скажите спасибо, что живьем ушли!

– Спасибо, – угрюмо буркнул Юрий.

– Да не мне – судьбе!

– Ничего себе! А что теперь делать, интересно знать? Обратного билета эти «добрые люди», как вы изволили выразиться, мне не дали, сам я его взять не могу, поскольку нет ни паспорта, ни денег... Что же, мне вплавь добираться до России? Вернее, пешком, через пустыню?!

– Зато у меня есть, – сказала девушка хладнокровно. – И паспорт есть, и деньги. Однако – вот совпадение! – я документами своими тоже не могу воспользоваться. У меня тоже выбор не велик: либо пешком, либо вплавь. Предлагаю все-таки второе.

– Извините, ваш тайный псевдоним случайно не Ален Бомбар? – с унылым подобием ехидства поинтересовался Юрий.

– Нет, не Ален, а Алёна! – усмехнулась девушка. – Меня зовут Алёна Васнецова. А вас, кстати?

– Юрий, – буркнул он. Никогда собственное имя не казалось менее интересным! – Юрий Никифоров. Будем знакомы.

– Будем, – согласилась она. – Так вот, Юрий, я предлагаю вам прямо сейчас взять машину и ехать со мной в Акабу. Это наш единственный шанс выбраться из Иордании, потому что Акаба – порт, а в порт приходят, как известно, корабли, и среди них непременно окажется хоть один российский.

– В нашу гавань заходили корабли, большие корабли из океана, – проворчал Юрий.

– В таверне веселились моряки и пили за здоровье капитана...

– Вот именно!

– А вам не кажется, – он запнулся, – вам не кажется, что это здорово похоже на авантюрный роман?

– Вы против авантюрных романов, что ли?

– Нет...

– Ну так в чем дело?

– Я против мужчин, живущих на содержании женщин.

– Сочтемся славою, ведь мы свои же люди! – усмехнулась она. – Делать-то что, что делать-то?! Альтернатива, как говорится, есть?

– Альтернативы, как говорится, нет. Но есть вопрос.

– Какой?

– Такой. Почему вы... почему вы мне помогаете? Я же вижу, у вас своего хватает, зачем вам еще?.. Она отвернулась, потом, словно решившись, опять взглянула на него своими яркими отважными глазами:

– Понимаете, вся штука в том, что мы с вами – земляки. Я тоже из Нижнего Новгорода, вообразите себе! И чтобы первый же встреченный за три месяца русский оказался нижегородцем – это, знаете ли... О, вон такси! Интересно, согласится он за двести баксов отвезти нас в Акабу или придется раскошелиться всерьез?

Тамара Шестакова. Май 1999

Телефон позвонил около полуночи, и Тамара взяла трубку, меньше всего ожидая услышать голос золовки: для той всякое время после десяти вечера – уже глухая ночь. И тем не менее это была Валя.

– Здравствуй, дорогая, – весело сказала она, как всегда, сильно окая, и Тамара, как всегда, поморщилась: уж очень раздражал ее этот разговор. – Не разбудила?

– Нет, что ты!

– Ну и хорошо. А то я хотела поутрянке позвонить, часиков в семь, да Олежек чуть с ума не сошел: маму, говорит, раньше полдевятого будить опасно. Ну а в эту пору мне уже не до звонков.

– Да нет, не столь уж и опасно, – суховато отозвалась Тамара, пытаясь не дать прорваться привычному раздражению, которое всегда охватывало ее при упоминании о сыне.

Хотя, с другой стороны, о чем еще говорить Валентине и зачем еще звонить, если не сообщить какие-то новости про Олега? Ведь именно ради этого Тамара оставила золовке сотовый телефон, велев звонить как можно чаще, а ведь раньше они общались раз, ну, два раза в год, причем, переезжая из Приморских Тетюшей в Нижний Новгород, Тамара умудрилась напрочь забыть, что в области живет сестра Валерия. Она вообще забыла о ее существовании! Женщины столкнулись буквально нос к носу на главной улице Лукоянова, куда Тамара приехала в командировку, и, что характерно, сразу узнали друг друга, хотя до этого виделись только раз – на свадьбе, больше четырех лет назад. Валентина бросилась Тамаре на шею и разрыдалась, ну а та не могла заставить себя выронить хоть слезинку, даже ради приличия.

Валентина решила, что невестка приехала именно к ней, и сразу потащила ее к себе домой, а ведь Тамара была не одна, а с оператором, осветителем и прибыли они туда на машине. Запланированные сюжеты уже были сняты, но она не хотела оставлять группу даже на полчаса. Ребята сразу ринутся в ближайшую распивочную, на которую у них уже давно горит глаз, а если Толик Козлов, оператор, наклюкается сегодня, то это затянется как минимум еще на неделю. Он же не может вовремя остановиться, пьет, пока пьется, а потом еще неделю отходит и только тогда снова способен работать. Тамаре же послезавтра ехать с ним аж в Курмыш, долгоиграющий загул Толика не в ее интересах. К тому же Каменков, главный режиссер, поклялся, что если Козлов еще раз рухнет в запой, то он добьется его увольнения по 37-й, что бы Тамара Шестакова ни канючила о судьбе непризнанного гения. Астафьич, осветитель и ассистент Толика, дважды просить себя выпить не станет, а уж если шофер Сеня решит на все махнуть рукой и присоединиться хотя бы ради глотка пива, им точно придется ночевать в Лукоянове. Тогда сюжеты определенно не попадут в сегодняшний ночной выпуск новостей, и еще вопрос, покажут ли их завтра, ведь новый день принесет новые хлопоты и новые события. Нет, Тамара не хотела и не могла упустить ни единого шанса из тех, которые снисходительно решила предоставить ей поганка судьба после того, как поступила с ней, а потому она тотчас решила, что ни на миг не выпустит этих лабухов из-под своего пристального надзора. Валентина приглашала всех к себе, всех вместе, и мужики, понятно, были не прочь, однако Тамара непреклонно покачала головой. Ей совсем не улыбалось, чтоб все они слышали охивздохи овдовевшей Валентины об умершем супруге, а главное – о погибшем братике Валере, ее воспоминания о том, каким он был ангелочком, и соболезнования Тамаре...

Тамара не хотела никаких соболезнований! Она вообще считала, что еще относительно дешево отделалась в той ситуации. Конечно, «дешево» – это просто так говорится, это фигура речи, на самом-то деле она заплатила за свое освобождение из Приморских Тетюшей огромную цену, непомерную. Но Тамара была сугубой реалисткой и понимала: было бы еще хуже, если бы Валерий не сделал того, что сделал, и им пришлось бы еще годы и годы влачить какое-то

совместное существование, каждый день смотреть друг на друга, разговаривать, есть вместе, спать... ну, в смысле ложиться в одну постель и на людях изображать супружескую пару. Нет уж, видеть рядом с собой Валерия после всего, что пришлось испытать, – да лучше умереть, ей-богу! С нее вполне хватает присутствия Олега.

С другой стороны, трезвый и практичный реализм подсказывал, что без Олега ее жизнь складывалась бы как проще, так и сложнее. Например, все эти годы она получала пенсию на сына. И если в последнее время вполне могла бы обходиться без нее благодаря своим гонорарам и процентам по дивидендам с телеканала «Око Волги», то сначала они с Олегом только на эти деньги и жили. И квартиру удалось получить так быстро лишь потому, что нижегородский военком оказался приятелем покойных родителей Валерия и не мог не помочь его вдове. Никто ведь не знал и знать не мог, почему застрелился Валерий, никто даже не подозревал, что он вообще застрелился! Тот дядька из Приморской военной прокуратуры, который приехал расследовать обстоятельства его смерти, оказался очень человечным. Ему хватило одного лишь взгляда на Тамару, лежавшую в забытии, чтобы, во-первых, составить заключение, будто смерть старшего лейтенанта Шестакова произошла от неосторожного обращения с огнестрельным оружием, а во-вторых, настоять, чтобы молодую женщину немедленно отправили в Уссурийск, в нормальную больницу. Новый начальник заставы был только рад подчиниться, потому что совершенно не знал, что теперь делать с вдовой своего бывшего командира и вообще со всей этой ситуацией.

Так вот и получилось, что Тамара очнулась в совершенно незнакомом месте и долго не могла понять, что же с ней произошло. Она так страстно хотела умереть там, в красном уголке, что почти поверила в свою смерть и какое-то время всерьез воспринимала больничную палату отделения гинекологии как нечто нереальное, гадала только: это уже ад или еще чистилище? Рай отпадал изначально, в раю такого убожества быть просто не могло. Впрочем, на ад это тоже не было похоже, ведь в аду она уже побывала и прекрасно знала, как он выглядит.

Здесь, в гинекологии, Тамара постепенно вспомнила, что с ней произошло, и узнала о смерти мужа. Здесь же она ощутила первые подозрения, а потом и убедилась окончательно, что беременна.

– Это чудо, это просто чудо, что вы не потеряли ребенка! – пламенно воскликнул молодой гинеколог, тоже знавший ее историю, но Тамара успела уловить издевательский промельк в глазах медсестры.

Уж эту рыжую, с лошадиным лицом бабищу нельзя было обмануть сентиментальным «чудом»! Она, конечно, не знала и знать не могла, что Валерий Шестаков оказался бесплоден и, когда это выяснилось, превратил в ад жизнь свою, своей жены и всех окружающих. Но медсестра умела считать, сопоставлять факты и обладала чисто женским умением видеть изнанку всякого события, а потому... потому она поспешила спрятать неуместную усмешку. Может, все-таки пожалела эту женщину, похожую на призрак? Если только бывают беременные призраки...

Вот ведь странно: мужчины все как один, кому только становился известен кошмар, случившийся на заставе Приморские Тетюши, жалели Тамару. Наверное, из-за смерти Валерия. Должно быть, каждый представлял себя на его месте и начинал мучительно гадать, как бы поступил он, если бы узнал, что... Ну, словом, узнал то, что узнал Валерий. А вот женщины, как та рыжая медсестра, едва могли скрыть ухмылки. Можно было представить, что говорилось за спиной Тамары! Наверное, они считали, будто она сама во всем виновата. И эта бесовская пронизательность ее поражала. Все-таки не зря змий-искуситель обратился напрямую к Еве, минуя Адама: чуял родственную душу! Так и эти тетki все чуяли...

Тамара кусала губы, пытаясь не плакать, хотя никто, наверное, не удивился бы, если бы она рыдала сутки напролет.

Она боялась, что слезам не верит не только Москва, но и Нижний Новгород. Однако здесь все складывалось не так уж и плохо. Сначала она обосновалась у отца, потом, когда стало понятно, что не сможет ужиться с мачехой, занялась проблемами квартиры. Переезд, устройство на работу помощником режиссера на телевидении, заочная учеба в университете, переход из помрежей в корреспонденты, а потом и в редакторы... Сын рос, у Тамары были с ним нормальные, несколько прохладные отношения. Пожалуй, именно отсутствие слепой материнской любви и помогало держать Олега в необходимой строгости. Мальчишка, к ее изумлению, получился неплохой, быть может, чуточку скрытный, но это не волновало Тамару до тех пор, пока полгода назад она не обнаружила двух его увлечений: одного тайного, другого явного.

Тайное открылось, когда Тамара подшивала в его комнате оборвавшуюся занавеску и катушка укатилась у нее под кровать. Доставая катушку, она наткнулась на коробку из-под кроссовок, чем-то набитую доверху. Подняла крышку – и едва подавила в себе желание суеверно перекреститься, встретившись взглядом с... Валерием!

Это была его большая фотография, сделанная в день окончания училища, незадолго до свадьбы. У Тамары на миг защемило сердце, таким молодым красавцем был на этом снимке Валерий. Просто неотразимым! Потом именно это лицо она частенько видела в своих грешных снах – это юное, свежее лицо, а вовсе не ту обрюзгшую ряшку, в которую оно превратилось уже года через три. Не отдавая себе в этом отчета, она высматривала пленившие ее черты во всех молодых лицах, ну а поскольку на заставе перед ее глазами были только солдаты, она и смотрела на них так внимательно, так...

Отгнав воспоминания, Тамара принялась перебирать содержимое коробки. Там были погоны Валерия и множество его фотографий, лежали его солнечные очки с одним выдавленным стеклом, кокарда, еще какие-то мелочи вроде мундштука и значка выпускника училища, почему-то ластик, комсомольский билет... Теперь понятно, куда это в одночасье подевалось. Тамара-то думала, что нечаянно выбросила всю эту ерунду еще при переезде на новую квартиру, но не больно огорчалась.

Однако главное, что ее поразило, – это письма. Написанные почерком Олега – сначала неуверенным, детским, потом тем острым, мелким, колючим, который он приобрел в последнее время, – все они начинались словами: «Здравствуй, дорогой папочка!» – и были адресованы мертвому отцу. Отцу, как бы не так! Человеку, которого он считал отцом, чью фамилию носил и образ которого, сложившийся в его сознании по скучным отговоркам Тамары и слезливым рассказам тети Вали, увы, абсолютно не соответствовал действительности. По этим письмам, которые Тамара второпях проглядела, можно было понять, что Олег не считает отца мертвым. Почему-то он думал, что мать просто сбежала от мужа, даже не сообщив ему о своей беременности, и отец где-то живет, не подозревая о том, что у него есть сын. В каждой строчке было столько искренности, которой никогда не требовала от сына Тамара, и столько любви, которой она никогда от него не ждала!..

Тамара сидела, как дура, на полу и роняла слезы в пыльную коробку, отдающую тленом. Неизвестно, что сильнее душило ее: внезапно проснувшаяся ревность или ненависть к Валерию, который вдруг воскрес из мертвых и, подобно классическому упырю, явился сосать кровь из ее сердца. Первым побуждением было выбросить всю эту сентиментальную, оскорбительную хренотень, но Олег сразу понял бы, кто это сделал. Объяснить же свой поступок невозможно, не рассказав правды.

Тамара задвинула коробку под кровать и пошла в ванную умыться.

Прижимая к щекам ледяные мокрые ладони, она с презрением смотрела в зеркало на свое зареванное красное лицо. Нашла из-за чего реветь! На студии, где вообще ничего невозможно сохранить в тайне, чуть не каждый день узнаешь какие-то интересные новости про детей того

или иного сотрудника: у этого сын гомик, у того дочка забеременела в шестом классе, кто-то таскает передачи в СИЗО... А уж дети-наркоманы чуть ли не через одного: если не воруют вещи из дома, чтобы покупать анашу или новомодную «фэнтези», то нюхают всякую бытовую химию и обижаются, если их тоже называют наркоманами: мы, мол, токсикоманы, просим не путать! Что по сравнению с этими проблемами значит любовь нелюбимого (от себя-то можно не таиться!) сына к ее ненавистному мужу, вдобавок покойному? Чепуха, на которую не стоит обращать внимания, тем паче что Олег сам держит это в секрете и вслух об отце практически не вспоминает. Конечно, раньше, когда был маленький, так и засыпал Тамару вопросами, ну а потом перестал. Создал себе кумира!

Тамара вдруг испытала острое желание своротить идола с пьедестала, используя в качестве рычага несколько фактов из его биографии. Ну, например, как он однажды ночью выгнал ее голой на мороз за то, что она робко попросила его сначала помыться, а потом требовать от нее минет. Господи, да она в ту пору и слова-то такого не знала и называла этот процесс просто: «Сосать эту гадость». Валерий воспринял ее просьбу как оскорбление: ему ведь предлагалось не ванну принять и даже не душ, а просто ополоснуться над тазиком, поливая себе из чайника. Можно подумать, это Тамара была виновата в том, что в Приморских Тетюшах все дома на заставе были с печным отоплением, а воду приходилось таскать из колодца! Можно подумать, это она была виновата, что Валерий в чем-то там проштрафился как раз накануне выпуска и получил распределение не в Нижний Новгород и даже не в родную область, а на Дальний Восток, в глушь глухоманную, куда Макар телят не гонял!

К счастью, он тогда одумался минут через пять, Тамара даже не успела толком промерзнуть. Хотя какое там «одумался», просто испугался, что кто-нибудь увидит его жену голой. Все его ревность проклятухая, неукротимая ревность – спасибо ей, конечно: в ту ночь именно она спасла Тамаре жизнь. В конце концов эта ревность и сгубила их обоих и еще шестерых человек: ведь Валерий выбирал объектами для своего безумствования только самых видных, привлекательных парней, по каким-то своим причинам решив, будто именно они положили глаз на его жену, ну а она, само собой, напропалую кокетничает с ними. Может быть, он был прав, подозревая этих парней. Наверное, не без греха была и Тамара... Ей никогда не хотелось анализировать все, что предшествовало тому кошмару, – она вообще предпочитала обходиться без воспоминаний, потому что забвение досталось ей слишком дорогой ценой. А поскольку открыть Олегу глаза на истинную сущность его героического папаши означало именно вспоминать, Тамара решила не делать этого.

Черт с ним со всем! Это ведь даже лучше, что между нею и Олегом нет такой уж особенной семейной любви. Она испытывала только брезгливость, наблюдая, как он взрослеет, как, извините за выражение, мужает, превращается из мальчика в юношу – причем в красивого юношу, судя по изумленно-радостным взглядам, которые бросают на него девчонки... да и взрослые женщины. Тамара никогда, даже в его раннем, беспомощном детстве, не ощущала сына костью от кости и плотью от плоти своей: он был частью прошлого, которое она по молодой дурости не отринула от себя и которое беспрестанно напоминало о себе. Чем взрослее, чем привлекательнее становился Олег, тем чаще наплывали воспоминания...

Еще спасибо, что по здоровью (у Олега было плохое зрение, минус пять, он носил очки, а в последнее время – контактные линзы) он не мог поступить в военное училище, не то – теперь Тамара не сомневалась в этом! – ее ждал бы еще и этот сюрприз! Увидеть Олега в форме, высокого, красивого, с этими его разными глазами: один темно-синий, почти черный, другой светлый, серо-голубой, и именно эти глаза заставляли женский пол ахать при виде парня! – увидеть Олега в форме для Тамары было таким испытанием, которое она вряд ли вынесла бы...

Ну а вторым, явным увлечением Олега оказалось вегетарианство. Тамара только в его раннем детстве следила за тем, что сын ест и как. Тогда она еще худо-бедно что-то готовила дома, ну а потом перестала. Работа поглощала все время, приходилось мотаться по команди-

ровкам, Олег оставался предоставленным самому себе и столовым. Денег было достаточно, чтобы он мог покупать на базаре лучшие продукты, сын научился готовить и иногда, когда Тамара была дома, даже баловал ее каким-нибудь изысканным блюдом вроде цветной капусты в сухариках или баклажанов в чесночном соусе. Почему-то это всегда были овощные блюда, но Тамара настолько мало обращала внимания на сына, что не делала из этого никаких выводов. Выводы сделал один телеоператор, рассказавший, что недавно видел Олега на Покровке в компании кришнаитов.

– Вообрази, стоят они – все бритые, в этих своих одеждах до полу, тощие, аж прозрачные, и базлают: харя, значит, Кришны, харя Рамы, а с ними единственный нормально одетый парень, но тоже про эти хари кричит. Я присмотрелся – мама дорогая, так ведь это твой Олег! – возбужденно кричал телеоператор, и Тамара едва сдержалась, чтобы не попросить его заткнуться, не орать так, что всем кругом слышно.

Она не в шутку струхнула. Кришнаиты – это плохо. Еще не хватало, чтобы парень связался с ними и окончательно спятил! В глубине души Тамаре было абсолютно все равно, спятит Олег или нет, но это означало лишние проблемы для нее, особенно теперь, при новом витке судьбы, когда ее имя опять связывают с виднейшими политиками Нижнего, особенно с Чужаниным. Глеб все чаще говорит, что больше не оставит ее, не повторит прежней глупости, что она будет одним из первых лиц в его команде, ну, не вице-мэром, конечно, но и не просто зав. пресс-службой – подымай выше! Тамаре сейчас совершенно не нужен еще один компромат на нее. Довольно той истории с финансированием ее телеканала, довольно, что «Губошлеп» вдруг начал выкапывать старые грешки бывших и новых чужанинских дружков. Если до этой мерзкой газетенки дойдет, что сын Тамары Шестаковой связался с кришнаитами, ее просто смешают с дерьмом, радостно при этом хихикая. Есть там люди, вернее, людишки, которые жаждут ее крови... А что скажет про кришнаитство Олега Чужанин? Он до того заигрывает с митрополитом, что можно подумать, будто решил принять православие! Хотя, по слухам, когда провожали габая нижегородской синагоги, решившего свалить на историческую родину, Чужанин там тоже был, мед-пиво пил. Но что дозволено Юпитеру, не дозволено сынку Тамары Шестаковой...

Она взяла да и позвонила золовке. Валентина ужаснулась еще больше, чем сама Тамара. Для нее кришнаиты были кем-то вроде содомитов, поскольку насквозь чужаки. Мгновенно был составлен план, согласно которому Олег экстерном сдал экзамены за девятый класс (Тамара сговорила со знакомым доктором, про которого когда-то делала передачу, и он нашел у Олега резкую нехватку кальция в организме, припугивая, что вот-вот, буквально на днях, у него начнут выпадать зубы и волосы) и отъехал к тетушке: на деревенский воздух и свежую еду. Валентина таким поворотом событий была откровенно счастлива: детей у нее не было. Тамара отдала золовке сотовый телефон, чтобы как можно чаще получать сводки с фронта, однако она и сама не ожидала, что испытает такое облегчение и подъем сил, оставшись в одиночестве. И этот поздний звонок, голос Валентины, напомнивший об Олеге, о Валерии и, как следствие, обо всем, что с этими именами было связано, вызвали у Тамары такой приступ внезапной ненависти, что она с трудом заставила себя беседовать спокойно, делать вид, будто ей нужен и важен этот разговор, хотя на самом-то деле она с радостью швырнула бы трубку и отключила телефон.

– Ну и как твой племянничек? Достал уже?

– Ой, не говори! – вздохнула Валентина. – Ходит, как во сне, жрет одну траву. Щи мясные сварила – нос воротит, хрустит сырой капустой, будто кролик. Молока – глоточек, творога – щепотку, будто барышня на диете. Ну ладно, сам не ешь, так другим не мешай, а то ходит за мной по пятам и ворчит: мол, все мы здесь трупоядцы! Яиц в рот не берет – там, дескать, зародыш будущей курицы, а она, видите ли, мясо, поскольку живое существо. Я уж ему говорю: хорошо, давай я для тебя одну курочку отделию, петуха к ней подпускать не буду, пускай сама

по себе несется, болтунами, из них-то никакие цыплята не разовьются, из неоплодотворенных. Так он знаешь, что мне сказал?

– Что? – вздохнула Тамара, как-то сразу, мгновенно устав от торопливого, энергичного Валентиного оканья, от ее многословия, а главное, потому, что ей-то все это на фиг было не нужно и не важно!

– А разве, говорит, курицы без петухов несутся? Вот так и сказал. Представляешь? Нет, это само собой, ежели курочку потоптать хорошенько, она будет нестись как из пушки... Тамара, ты чего?

Похоже, из ее горла вырвался сдавленный стон. «Сейчас мы его курочку так потопчем, что перья полетят!»

– Тамара, Тома!

– Да я ничего, ничего. Ты извини, тут в дверь звонят, – удалось выговорить Тамаре, но отговорка оказалась неудачной: голос Валентины мгновенно похолодел:

– По-нят-но... Конечно, сына сплвила, теперь можно...

И раздались гудки.

Тамара мгновение смотрела на телефон, потом швырнула трубку так, что от микрофона откололся крошечный кусочек пластмассы. Эта деревенщина... Эта Валька! Вот уж действительно – сестра своего брата! Это у них семейное, у Шестаковых: ревность, безумная ревность! Валька, конечно, уверена, что Тамара обязана по гроб жизни соблюдать верность Валерию, как она сама блюдет верность своему покойному мужу. И, конечно, уверена, что Тамара гуляет направо, как мартовская кошка...

А зря уверена, между прочим. Вот вытаращила бы глаза, узнав, что у Тамары за шестнадцать лет, минувших после гибели Валерия, не было ни одного мужчины! До прошлого августа, пока она не встретила Романа...

Алёна Васнецова. Май 1999

– Вы будете участвовать?

Алёна медленно повернулась:

– Не знаю. Вряд ли. А вы?

Незнакомая женщина возбужденно хихикнула:

– Ой, у нас все с ног сбились. Кто говорит – надо, это же официальное мероприятие, кто говорит, что это непристойности для шлюх. Только вот что смешно: у тех, кто участвовать не хочет, грудей совсем нет или какие-то отвислые мешочки болтаются, а у тех, кто согласен, – есть на что посмотреть!

– Судя по всему, – Алёна, скрывая усмешку, глянула на очаровательно выпяченную грудь собеседницы, – вы будете участвовать.

Женщина вернула ей оценивающий взгляд:

– Да и вы, наверное, тоже!

Она прощально махнула рукой и пошла по палубе дальше, а Алёна еще какое-то время постояла, делая вид, что изучает объявление, и пытаясь расслабить мышцы лица, сведенные судорогой насильственной улыбки.

Ей все еще невыносимо трудно общаться с людьми, не сжимаясь, как от удара, при каждом неожиданном слове, тем более окрике. Особенно тяжело было, когда кто-то подходил сзади, как эта толстомясая дуреха. Просто чудо, что Алёна сейчас смогла разговаривать нормально и даже почти спокойно, не отшатнулась с испуганным воплем. Впрочем, ее и так держат на корабле за чудачку, теперь сочли бы психованной – подумаешь, большое дело! Какое это имеет значение, они тут сами все психопаты, потому что только псих мог измыслить мероприятие, о котором гласила эта афиша, и только психи – желать в нем участвовать!

«Приглашаем всех прекрасных дам принять участие в конкурсе «Красивая грудь-99», – было начертано на плакате огромными красными буквами, а дальше следовала пространная тирада, из коей можно было понять: команде до безумия жалко, что путешествие на туристическом лайнере «Салон Каминов» подошло к концу, и, чтобы не лить слез на прощание, решено было устроить нечто сногшибательное по красоте и оригинальности, а туристки, обнажив груди, станут изюминкой всего путешествия, это ежу понятно.

Лайнер так и назывался «Салон Каминов» – это святая правда. Сначала, еще в Акабе, Алёна и Юрий сгоряча не заметили несуразницы названия: решили, может, это имя и фамилия какого-то национального героя украинского народа, прославившегося в борьбе с захватчиками-москалями (корабль имел порт приписки Одессу), подобно тому, как Иван Гонта, к примеру, прославился некогда борьбой против польских ляхов, которые нынче для хохлов наипершие и наилепшие друзья-приятели. В конце концов, почему бы человеку не зваться Салон Охримович Каминов? Или какой-нибудь Хведорович? Или вообще – Омелькович?

Только потом выяснилось, что известный в Одессе торговый центр по продаже отопительного оборудования, в том числе – разнообразнейших каминов, носящий это гордое имя, арендовал на сезон судно, заплатив немалые деньги, чтобы название, напоминающее о тяжелом советском прошлом – «Молодая гвардия», – было стерто с борта корабля и заменено торговой маркой фирмы. На спасательных средствах, как-то: шлюпках и кругах, впрочем, оставалось прежнее название. Очевидно, принципиальность арендаторов лайнера не простиралась так далеко, чтобы идти ко дну с именем родимой фирмы на устах. «Молодая гвардия» как средство спасения – это, конечно, куда надежнее...

Последнее мероприятие путешествия вполне соответствовало по степени абсурдности названию корабля. Впрочем, и без того каждую ночь морские просторы окрест сотрясались от хохота пассажиров, участвовавших в очередном развлекательном шоу. А днем корабль зами-

рал, даже к завтраку в столовые почти никто не спускался, кроме таких же, как Алёна, угрюмых одиночек или дамочек, путешествующих с детьми. Ее это, впрочем, вполне устраивало. Фактически до обеда можно было наслаждаться солнцем и морем, не опасаясь излишков общения. Потом палубы постепенно заполнялись народом, вода в бассейнах выплескивалась через края от количества купающихся тел, начинала орать музыка, у всех встречных мужчин во взгляде сквозила плотоядность, и Алёна уходила в библиотеку, где отсиживалась до самого закрытия, до девяти вечера. Когда она возвращалась в каюту, соседки уже убежали на очередной развлекательный сюрприз, измышленный командой, – маскарад, КВН или праздник Нептуна (его почему-то устроили, когда лайнер проходил Босфор в виду Стамбула), а то и просто на дискотеку, ну а вернувшись под утро, они были слишком вымотаны, чтобы шуметь: падали на койки как убитые и засыпали мертвым сном до полудня. Рано утром Алёна тихонько уходила из каюты – и все начиналось сначала, тянулась цепочка дней, похожих один на другой, как близнецы-братья, и избыть таких дней до прибытия в Одессу осталось всего лишь два! А это уже просто ничто.

С Юрием они не виделись. Тот жуликоватый старпом, с которым удалось сговориться в кабаке Акабы, отдав ему практически все Алёнины деньги (сначала он не соглашался взять «зайцев» на борт меньше чем за шесть тысяч, потом, скрипя зубами, согласился на пять: тысячу Алёна предусмотрительно утаила на сухопутную дорогу), устроил их в каютах третьего класса – разумеется, в разных. Версия для пассажиров была такая, что Алёна и Юрий отстали от своего рейса и теперь добираются до дому до хаты, так сказать, морским автостопом. Неизвестно, как сложились дела у Юрия, но появление Алёны особых вопросов у соседок по каюте не вызвало: может быть, потому, что вид ее напрочь отшибал охоту к общению.

Еще в Акабе, пока они бродили по городу, ожидая условленного времени, старпом велел им подойти к стоящему у причала «Салону Каминов» ближе к рассвету, когда команда нагуляется на берегу и ему удастся обсудить вопрос о новых пассажирах с капитаном, – еще тогда Алёна улучила момент и заглянула в парикмахерскую на морском вокзале, работающую ночью, чтобы сделать то, о чем она мечтала уже месяца три: избавиться от белокурой копны на своей голове.

Когда парикмахер уразумел, что от него требуется, он воздел руки к небу и призвал на помощь Аллаха всемилостивого и милосердного. Потом ринулся к полке, на которой держал составы с красителями, и начал наперебой предлагать обезумевшей клиентке самые разные средства, от элементарной хны до дорогих французских препаратов. Теперь, когда после того горячего денька прошла почти неделя и Алёну изрядно охладило на морском ветерке, она понимала, что богобоязненный цирюльник, конечно, был прав. Следовало его послушаться и перекрасить волосы в цвет, максимально близкий к ее «родному», красно-каштановому. Но тогда она совершенно не способна была рассуждать трезво, хотелось только одного: *избавиться*, любой ценой избавиться от всего, что могло напоминать об Алиме, Фейруз, о квартирке на одиннадцатом этаже дома в центре Аммана... Да и вообще слишком многое вместились в тот сумасшедший день: внезапно обретенная такой дорогой ценой свобода; авантюра возле храма Геракла, в которую она вешалась, похоже, только затем, чтобы ненадолго иметь рядом с собою русскоговорящего спутника; стремительное трехчасовое путешествие по пустыне и среди гор к морю, в Акабу; ночные блуждания по городу в поисках подходящей «таверны», где отдыхали бы русские (в данном случае – украинские) моряки; изнурительный торг со старпомом по имени Грицко...

Все, все в этой истории отдавало дешевой опереттой, начиная с бегства рабыни из гарема и кончая именем и внешностью проныры-старпома! Алёну так и подмывало его спросить: «Ваша фамилия, часом, не Попандопуло?» Он был весьма высокий, но весь какой-то мягкий, как бы обвисший, с покатыми, сутулыми плечами, расплывшимся загорелым лицом,

густыми усами под вислым носом, жгучими и весьма приметливыми карими очами. У Грицка был нестерпимый южный говорок – с этим его фрикативным «гэ» и карикатурными интонациями. Под разболтанной внешностью и мягким говорком скрывалась, впрочем, железная натура завсегда знаменитого одесского базара – Привоза, способного насмерть торговаться за копейку (в данном случае – за цент). Однако Грицко обладал и необходимой для удачной торговли гибкостью: когда понял, что может вообще упустить пассажиров, сделав отчаянное лицо, пошел на уступки: «А, гори оно все огнем, будь по-вашему, режьте, грабьте!»

Только потом, уже придя в условленное время на корабль и заметив вытянувшееся лицо Грицка, Алёна поняла: немалую положительную роль в снижении цены сыграла ее прическа. Увидев, что она сделала со своей головой (вернее, угадав, потому что всей картины Алёна на обозрение не собиралась выставлять, предусмотрительно обмотав голову шарфиком), Грицко сделал такое лицо, словно собирался немедленно сбросить «зайцев» за борт. Спасло ситуацию неторопливое появление капитана, который, похоже, очень благосклонно отнесся к пополнению своего кармана. Грицко скрежетнул зубами и развел новых путешественников по их разным каютам.

На лице Юрия мелькнуло огорчение... а может быть, Алёне это только показалось. Ведь его тоже ужаснула ее новая «прическа». Хотя что она такого сделала, в конце концов? Ну, подстриглась наголо, сбрила волосы – подумаешь, большое дело!

«Зато не жарко будет», – сказала она тогда, легкомысленно пожав плечами, будто расставание с роскошной, годами лелеемой косой для нее ничего не значило. Как бы не так... Тем более, что жарко все-таки было. Алёна ведь так и не решилась выставить на всеобщее обозрение свою лысину и вынуждена была обматывать голову легоньким индийским шарфиком, который каким-то чудом оказался в кармане прихваченной из Аммана кофты. По столь же чудесному совпадению, шарфик оказался красно-каштанового цвета, почти такого же, как ее «родные» волосы, и эта иллюзия была настолько мила Алёне, что она решила ее не разрушать и носила шарф практически постоянно, снимая его только на ночь, чтобы простирнуть и высушить.

Конечно, ее тайна недолго оставалась тайной – соседки-то видели ее спящей, а значит, бритоголовой и разнесли весть по теплоходу. С тех пор Алёна то и дело ловила испытующе-насмешливые взгляды – а может быть, ей это только казалось, может быть, на нее вообще никто не обращал внимания, все-таки в этом круизе по Черному и Красному морю участвовала чертова уйма всякого народа, и у каждого были свои проблемы, вдобавок команда из кожи вон лезла, стараясь, чтобы пассажиры были интенсивно заняты развлечениями. Вот конкурс новый придумали...

Она еще немножко постояла на корме, делая вид, будто любуется стайкой дельфинов, затеявших игру неподалеку от теплохода, а сама неприметно поглядывая по сторонам. Нет, Юрия не видно. Алёна пожала плечами. Странный парень. Уж из элементарной-то вежливости мог бы поддерживать с ней какие-нибудь отношения, ну, хоть здрасьте, до свиданья говорить. Не хочется об этом думать, неприлично, будто она счет ему собирается выставить, однако Юрий ей кое-чем обязан. Все-таки Алёна выручила его из весьма неприятной ситуации, очень может быть, что и впрямь жизнь спасла, как он красноречиво распинался, пока их такси мчалось с холма Геракла, а за их спинами пытел взбешенный «Мерседес». Благодаря ей он попал в Акабу, благодаря ей плывет на комфортабельном, можно сказать, лайнере к родимым берегам. И хоть бы раз нашел ее, перекинулся словом! В конце концов, кошелек его по-прежнему пуст, а ведь из Одессы тоже надо будет как-то добираться до Нижнего! Самолет для Юрия отпадает: у него нет документов. Это Алёна может спокойно улететь в Москву, а ему придется трюхать на поезде. А билет взять тоже проблематично: без паспорта можно только за взятку... А есть-пить в дороге? А откупаться от русских и особенно украинских пограничников, которым, по большому счету, плевать, кто и зачем пересекает границу, но иногда на них находит такая страсть

к исполнению служебного долга, что они начинают в вагонах все вверх дном переворачивать? Или Юрий намерен в одесском порту возникнуть перед Алёной так же внезапно, как возник перед ней в Аммане, и снова взвалить на ее плечи заботу о своей персоне?

Конечно, она не откажет ему в помощи, но только из чувства долга, убеждала себя Алёна. Все-таки она надеялась на его моральную поддержку, а он, оказывается, просто использовал ее... и чем в таком случае Юрий отличается от всех других мужчин, которых она знала? Все они одним миром мазаны!

Хотя нет. У Юрия есть одно существенное отличие: он не полез к ней под юбку – другие-то ведь только этим и занимались.

«Ну, это не совсем точно, – сказала она мысленно, с непонятым, извращенным наслаждением стремясь причинить себе как можно больше боли. – Они тоже не лезли ко мне под юбку, хотя бы потому, что на мне никаких юбок, вообще ничего в те минуты не было. А что до этого парня... На что ему сдалась моя юбка, увенчанная лысой головой, когда здесь такой выбор жаждущих красоток! У него небось глаза разбежались, наверное, каждый вечер с новой бабой проводит, а ночь, конечно, опять с другой. И уж сегодня-то на этом кретинском конкурсе все они дадут себе волю!»

На душе стало совсем тошно. Ну неужели никто, кроме нее, не представляет себе, во что выльется обещанное веселье? Это же будет свальный грех, потому что дамочки для храбрости непременно подогреют себя винцом, ну а мужики при виде такого количества голых титек просто обезумеют. Вдобавок близится конец круиза, надо наконец оттянуться на прощание, а какая расплата наступит потом, в скучной городской квартире, когда за окнами льет дождь... Стоп. Это уже плагиат, это уже классика!

Алёна заставила себя усмехнуться и привычно направила свои стопы в библиотеку.

Однако ей не повезло.

– Библиотека закрывается, – сообщила черноокая библиотекарша.

– Что-то рановато сегодня.

– Так ведь конкурс!

Алёна скользнула взглядом по внушительному библиотекаршину бюсту, которому тесно было даже в этом щедро открытом сарафанчике, и пожалела, что никому не пришло в голову принимать ставки на победителей. Алёна наверняка выиграла бы, потому что вот же она, стоит перед ней, мисс Грудь-99!

Пожелав хорошенькой хохлушке удачи, она уныло побрела в свою каюту. Та уже была заперта: соседки умчались трясти своими выпуклостями. Ну и на здоровье. Гораздо хуже оказалось то, что у Алёны не нашлось ключа.

Надя Кунина. Декабрь 1998

– Да ты что? Ты что, с ума сошел? И матушка твоя тоже явно спятила! Да где же она, интересно знать, видела женщину, которая дожила бы до сорока лет и осталась девочкой?! Вам, милые мои, в монастырь надо обращаться, может, там твоя мамаша найдет себе невестку по вкусу! Ну не могу я обратно девушкой сделаться, не могу! Что же мне, зашиться, что ли?!

В голосе Нади зазвенели слезы, и она резко отвернулась, зная, что сейчас же на скулах вспыхнут некрасивые красные пятна. Рыдания перехватили горло. Главное, убивало собственное бессилие. Тряпка! Она и подумать не могла, что Рашид окажется такой тряпкой! И надо же, чтобы это началось именно теперь, когда уже обо всем договорились, когда всем на Мытном рынке известно, что через десять дней свадьба... В памяти промелькнули злорадные лица подружек – закружились хороводом, испуская пренебрежительный шепоток: «Ну и дура эта Надька! Дурой была, дурой и осталась! Как она могла поверить, что ее хачик на ней женится! На сколько она его старше, на десять лет? Кошмар! И вообще, с ее рожей давно пора перестать думать о мужиках!»

– Надечка... – Руки Рашида крепко взяли ее за плечи. – Надечка, не плачь, джаным, гюли³...

Она повернулась, в отчаянии прижимаясь лицом к его плечу. Эти ласковые слова царапали сердце до крови. Неужели придется сдаться, неужели ей суждено потерять Рашида? И все из-за причуд этой мусульманки, его мамы, которая вбила себе в голову, что ее тридцатилетний сын должен непременно жениться на нетронутый, невинной девушке! В наше-то время?! Бред, да и только... Это просто шарият какой-то!

Ну ладно, жили бы они в своем Азербайджане – еще куда ни шло, там девки хоть как-то берегутся до свадьбы, но если вы переехали в Россию – будьте любезны жить по здешним правилам. Ну где, где Рашиду было найти нетронутую девицу в той среде, в какой он работает, – на Мытном рынке, среди базарных торговки? Сюда приличные девчонки вообще отродясь не пойдут, потому что надо выбирать одно из двух: или соблюдать приличия, но остаться без работы и денег, или переспать с кем надо, зато иметь, в конце концов, и место постоянное, и заработок не худой, и заботливого «босса», который сам же будет гонять от тебя посторонних мужиков, если ты разумно поведешь себя, конечно, причем не только в постели, но и за прилавком.

Таким женщинам, как Надя, не первой красоты и свежести, зато опытным, было чуточку легче: все-таки к ним под подол не лез каждый-всякий (ну, скажем, через одного), их ценили как-никак за другое. За силушку – иной раз покрепче, чем у мужика, так что ящик двадцатикилограммовый перенести из машины на прилавок – это для нее тьфу с маслом. Большое дело, подумаешь, коня на скаку остановить, в горящую избу войти. Вот разгрузи-ка на тридцатиградусном морозе «Газель» с мандаринами... Выносливость ценилась: постой-ка на том же морозе день, побей ножкой об ножку, вернее, валенком о валенок! А Надя – ничего, стояла и хоть бы хны! Она непревзойденно умела также приманить покупателя улыбкой и бойким словцом, торговаться до одури, но вовремя пойти на уступки, принеся при этом хозяину не убыток, а приварок: пока покупатель раздувается от гордости: вот, мол, какой он умный, сбил форс с этой прожженной торговки, пока глаза его ничего толком не видят, надо быстренько накидать на весы неходовой товарец, где побитый, а где и вовсе с гнильцой, да успеть упаковать его и всучить покупателю прежде, чем у того пройдет угар успеха. Ну а какие он слова скажет в адрес продавщицы у себя дома, когда разглядит покупку, – это уже детали: «Бачилы очи, що куповалы», как говорит хохлушка Олеся, Надина напарница!

³ Душенька, роза (тюрк.).

Словом, хоть Надя и отпраздновала недавно свое сорокалетие и, как говорится, никогда не страдала красотой, она могла не бояться конкуренции со стороны молоденьких девчонок, которые иногда приходили в контору рынка наниматься в продавщицы и на которых у смуглых жуликоватых кавказских «бизнесменов» разгорались масляные глаза. Рынок – это вам не подиум, тут в два счета пупок развяжется и цистит прорежется. Наде только смешно было вспоминать, как на ее дне рождения подвыпившие девчонки затеяли вдруг спор о том, много это – сорок лет или все-таки еще ничего. Те, кто помоложе, кому до рокового срока оставался хоть годочек, а то и три, снисходительно поглядывали на старейшину Мытного рынка, шестидесятилетнюю Лизавету Михалну, которая, стуча по столу стаканом богемского стекла, азартно кричала: «Не журишь, Надька! Подумаешь, сорок! Эх, мне бы твои года! Да чтоб ты знала: после сорока лет все самое интересное в жизни только начинается!»

Ничего особенного не началось. Назавтра был тот же мороз, те же мандарины на выбор – абхазские или марокканские, потом яблоки: молдавские, без нитратов, подешевле, или голландские, чистая химия, дороже чуть не вдвое... Ну, словом, обычная жизнь, все, как всегда, и ничего нового дожидаться Надя не чаяла, как вдруг ее хозяин, Максуд, пришел однажды мрачнее тучи и сказал, что у него на родине, в Азербайджане, умирает мать и надо ехать к ее одру. А вместо себя Максуд привел племянника Рашида и представил ему Надю, сначала пробормотав что-то по-своему, а потом переводя на русский: «Наде я верю как себе самому, и ты тоже можешь ей верить!»

Надя сощурила свои небольшие зеленоватые глаза: по ее мнению, Максуд вообще никому не верил, даже себе, так что его комплимент недорого стоил! – и только потом посмотрела повнимательнее на нового босса. Она знала о нем только, что его зовут Рашид, что он из «русских» азербайджанцев, то есть из тех, кто переехал в Нижний давно, еще в советское время, прижился здесь, стал практически своим, имеет постоянную прописку. Отец Рашида держал несколько «пазиков» – маршрутных такси, а деньги в рыночную торговлю своего шурина вкладывал просто так, чтобы не держать все яйца в одной корзине. И сына отправил на рынок только временно, вообще-то Рашид шоферил на одной из отцовских маршруток.

С первого взгляда рядом с широкоплечим толстяком Максудом он показался Наде довольно-таки невзрачным: небольшого ростика, тщедушный, узкоплечий, с длинным смуглым лицом и унылыми усами. Только глаза у него были красивые – нет, очень даже красивые: большие, удлинённые, с длинными нарядными ресницами, жгуче-черные. Не темно-карие, как обычно, а именно черные, бархатные. Чудо что за глаза, никогда таких глаз у мужчины Надя не видела! А еще она никогда не видела, чтобы мужчина так смотрел на нее... так смотрел!

Максуд что-то еще бубнил, но ни Рашид, ни Надя его не слышали: неотрывно смотрели друг на друга.

«Чего он так выставился? – смятенно думала Надя, невольно одергивая куртку. – Может, у меня что-то не так? Может, тушь потекла?» А Рашид потом признался ей, что, оказывается, никогда в жизни не видел такой красивой женщины, с такими нежными светлыми кудряшками и зелеными глазами – будто молодые листики, и с таким задорным носиком, и прекрасным большим ртом, который ему сразу захотелось поцеловать...

Выслушав этот букет комплиментов, Надя смущенно опустила глаза, сама не зная, смеяться ей или плакать. Потому что волосинок – тонких, легоньких, бесцветных – на ее голове было раз-два и обчелся, а то, что днями приходилось стоять в шапке или в теплой оренбургской шали, отнюдь не способствовало их росту. И глаза у нее были так себе – маленькие, узенькие, не то что у Рашида. Реснички – да их днем с огнем не сыщешь! Рот был слишком велик для маленького малокровного личика и, честно сказать, делал Надю похожей на лягушку – увы, не на Царевну!.. И тогда, и потом – все время ей казалось, будто Рашид, с восхищением устремляя к ней свои дивные глаза, видит вовсе не Надю Рогозину, а кого-то совсем другого: молодку с волной буйных кудрей, с колдовским блеском зеленых глаз и со ртом, зовущим к поцелуям...

И сейчас, стоя перед ним и жалко, некрасиво плача, она словно бы хоронила это прелестное существо, словно бы себя хоронила – ту, какой ее никто не видел, не мог увидеть, а вот Рашид с этой своей безумной любовью с первого взгляда – смог, рассмотрел под лягушечьей кожей Царевну, но теперь... что же теперь? Неужели опять придется напялить на себя скользкую, холодную кожу – и все из-за того, что его матери непременно захотелось женить сына на нераспечатой дурочке?!

И, главное, как будто она раньше не видела, к чему дело идет! Ведь Рашид наотрез отказался спать с Надей, хотя она не раз и не два недвусмысленно заявляла, что не прочь. Он с первой минуты хотел на ней жениться, для него она была – белая голубица, невинная девица, одна-единственная, желанная... А его мать, хитрая, черномазая, усатая, не противилась сыну нарочно, не желая восстанавливать его против себя, но в последнюю минуту, когда совсем уже дело было слажено, вдруг заявила: женишься на неверной только через мой труп, если она – не невинная девушка! У нее, мол, должна быть справка от гинеколога, да еще потом какие-то там родственницы должны удостоверить девичество, осмотрев невесту накануне брачной ночи, ну а после требовалось, само собой, предьявить девственную кровь на простыне.

Вот поганка! Как будто можно остаться девственницей в сорок-то лет, да еще на Мытном рынке! Нет, ну в самом деле: хоть иди да зашивайся. Только знать бы, куда идти...

– Надечка... – нерешительно шепнул в самое ухо Рашид, и от его ласкового голоса, от жаркого дыхания у нее подкосились ноги, а к горлу подкатил новый приступ рыданий: да неужели, неужели придется с ним расстаться?! – Надечка, ты не сердись на мать, она воспитана в своих правилах, и ей главное, чтобы эти правила были соблюдены. Понимаешь, она ведь не хочет, чтобы мы с тобой расстались, ты ей очень нравишься, она говорит, что мне с моим характером как раз и нужна такая женщина, чтоб держала меня в руках. Как бы вторая мать...

Надя скрипнула зубами. Вот старая сука, ну не могла не уколоть, не напомнить об этой разнице в возрасте между сыном и его «джаным»!

– Ничего себе – не хочет разлучить! Она же фактически запретила тебе жениться на мне!

– Не на тебе... – Снова этот вздох, от которого у нее подкашиваются ноги. – Не на тебе, а на женщине. Просто на женщине, понимаешь?

– Но я ведь женщина! – Надя уже рыдала в голос. – Я не смогу стать другой!

– Сможешь, – выдохнул он прямо ей в ухо. Отстранил от себя, с любовью заглянул в заплаканные, распухшие глаза. – Совершенно случайно нашел вдруг у себя рекламу центра пластической хирургии «Ваш новый образ».

– Ты что, хочешь, чтобы я изменила внешность? – сквозь слезы усмехнулась Надя. – До неузнаваемости? Чтобы нам удалось одурачить твою маманю? Да, одурачишь ее, как же, она в яйце иголку увидит!

– Спаси Аллах! – ужаснулся Рашид. – Я не хочу, чтобы ты изменила свою внешность! Мне очень нравится твоя внешность! Но, по-моему, мать сама хочет, чтобы ее немножко одурачили. Ведь там, в этом центре пластической хирургии, делают редкие операции: там зашивают у женщин то... ну, ты понимаешь.

Что ее всегда умиляло в Рашиде, так это его способность мгновенно, по-девичьи краснеть, разговаривая на всякие такие темы. Ну а Надя давным-давно разучилась краснеть и предпочитала называть вещи своими именами.

– То есть целку восстанавливают, что ли? – спросила недоверчиво. – Была шлюха, стала девочка – так?

– Надя, ну зачем ты так? – простонал чувствительный Рашид. – Пойми наконец: для матери главное – родовые традиции. Если они будут соблюдены и единственный сын женится на девственнице – все в порядке. А уж каким образом, что да как, – это уже наше дело! Мне вообще кажется, что эту рекламу она мне нарочно подсунула, чтобы я тебе сказал.

– Нарочно? – недоверчиво переспросила Надя. – Ты думаешь?

– Ну да! Пойми, она сама желает мне счастья, но не может пойти против обычаев. И вот...

Надя задумчиво смотрела в грязно-белый бок трейлера, из которого выгружали белые картонные коробки с бананами. С ума сойти, сколько бананов, да на рынке картошки меньше продается, чем этих заморских фруктов, которые раньше были в страшнейшем дефиците. Вдруг из каких-то темных глубин памяти всплыло непрошеное воспоминание: Надя на третьем месяце беременности, ей страшно хочется бананов, за которыми выстроилась дикая очередь, и она встает в хвост этой очереди, и стоит часа два, а то и больше, чуть не падая в обморок. Покупает два килограмма и съедает все сразу прямо в подворотне, а потом идет домой, счастливая, чуть не мурлыча, и первое, что она там видит, – перекошенную физиономию Борьки, ее, так сказать, гражданского мужа, а проще, сожителя, который все обещал на ней жениться, да так и не собрался, мотивируя это тем, что все бабы – бляди, а Надька – первейшая среди них.

– Где шлялась, курва? Все никак угомониться не можешь, хоть и брюхатая? Я тут на тебя последние гроши трачу, а ты... Посмотри, чего купил, да разве ты оценишь?

Надя взглянула – на столе горкой громоздились бананы. И не понять, что такое с ней в эту минуту сделалось, только вдруг скрутил ее сильнейший приступ тошноты. Кисло стало во рту, она вроде бы как икнула – и все два килограмма залпом проглоченных бананов оказались лежащими на коврик у Борькиных ног. Ее выворачивало снова и снова, и Борька, ошалевший от обиды и ревности, совал кулаками в ее тщедушное тело, крича:

– Кто тебя кормил? Кто тебя бананами кормил, сука мокрохвостая?!

Почему-то у него не укладывалась в голове, что Надя могла купить их себе сама.

Борька так избил ее, что случился выкидыш. Надя потеряла ребенка... С тех пор она ненавидела бананы, ведь они напоминали о самом жутком событии ее жизни.

Ох, господи, забыть, забыть все это, почувствовать себя молодой, любимой, девушкой на выданье, невестой! А если... если и вправду...

Да нет, кто узнает, ее на смех поднимут!

Она положила голову на плечо Рашида. Какая-то операция – и не расставаться с ним никогда. А если никому не говорить, то никто и не узнает. Ни она, ни Рашид слова лишнего не скажут, ни словечка! Его матери тоже ни к чему о таком трепаться, что она, сумасшедшая, что ли?

– Ну хорошо, – тихо сказала Надя. – Эта рекламка у тебя с собой?

Алёна Васнецова. Май 1999

Пришлось вернуться на палубу. Алёна побродила по теплоходу, заглядывая в бары и прочие местечки, где могли оказаться соседки. Там, где обычно яблоку упасть негде, – пусто. Со вздохом Алёна потащилась в кают-компанию второго класса, где должен был проходить конкурс. Бесплезно себя обманывать, конечно, они там.

Почему-то раньше ей казалось, что на теплоходе гораздо меньше народу. Вот это толпища! Вся свободная от вахты команда, все пассажиры... Ого, сколько ценителей того, что носят в лифчиках! Главные ценители – мужики, конечно. Жюри сидит в первых рядах: капитан (Ого! И в самом деле – серьезен конкурс!), рядом еще какие-то холеные дядьки, среди которых затесалась двухметроворостая, поперек себя шире, бабища с внешностью не то профсоюзной деятельницы, не то активной лесбиянки. Тоже, стало быть, ценительница.

Алёна проталкивалась вперед, надеясь обнаружить своих соседок прежде, чем начнется действие, но не успела: свет вдруг погас. С середины аккорда врубили Робертино Лоретти:

– ...Мари-ия, – пропел он, не по своей воле проглотив «Аве», но далее продолжил не сбиваясь, и под звуки католического гимна на эстраду выплыла вереница женских фигур, держащих в руках зажженные свечи.

Головы у них были покаянно склонены, однако огоньки бросали шаловливые отсветы на полуобнаженные груди: никто пока еще не снял бюстгальтеров. Бедрa дамочек тоже были благопристойно задрапированы.

Рядом с Алёной кто-то тяжело вздохнул, кто-то сдавленно хихикнул. «Не то монахини, не то блудницы», – усмехнулась она.

В это время Робертино подавился очередной трелью, вспыхнул свет, и дамочки принялись подслеповато и довольно сконфуженно озира́ться, торопливо дуя на свои свечи. По кают-компанию поплыл душноватый запах воска.

На сцене появился конферансье, и кто бы он ни был – член жюри или пассажир, но язык у него был подвешен весьма лихо. Жаль только, что трещал этот язык исключительно на мове, так что Алёна могла понимать его лишь с пятого на десятое. Украинский язык ведь только в малых дозах кажется понятным, а как возьмется за дело настоящий профессионал, тут русскому уху хочется заткнуться как можно скорее!

Морщась, как от скрипа ногтем по стеклу, Алёна смотрела на участниц «грудь-парада».

Вот же незадача! Две из трех ее соседок – Ганка и Стефа – торчат на эстраде! А где же Наталка? Что-то ее не видно среди зрителей. Может быть, за кулисами?

– Да не вертитесь вы, девушка! – досадливо сказал кто-то – слава богу, по-русски. Алёна решила не разочаровывать земляка и на какое-то время замерла.

После одной тирады велеречивого конферансье раздались аплодисменты, и высоченный моряк, в котором Алёна без труда узнала Грицка, вынес на эстраду торт в форме гигантской женской груди, раскланялся и, прыгнув, замешался в толпу зрителей.

Раздался дружный стон восторга. Как поняла Алёна, это был первый приз. Вернее, призом должны были стать деньги, вырученные за эту грудь в ходе аукциона, который состоится в перерыве.

Все жюри смотрело на торт, плотоядно облизываясь. У дамочек на эстраде тоже оживились лица, и они довольно смело, поощряемые криками конферансье, принялись срывать с себя остатки благопристойности.

По залу пронесся общий мужской стон. На миру, как говорится, и смерть красна, а потому конкурсантки выставлялись повсю. Обладательницы особо пышных достоинств поигрывали ими, как штангисты на помосте – мускулами. Некоторым поигрывать было нечем.

– Прыщи давить надо, – сурово изрек кто-то рядом с Алёной.

Вообще в комментариях народ, как русский, так и выходцы из ближнего зарубежья, не стеснялся, причем женщины обсуждали процесс с не меньшим жаром, чем мужики. Споры кое-где доходили до того, что зрительницы, распаленные недостатком достоинств на эстраде, срывали с себя блузочки и маечки, превращаясь в конкурсанток. Одна дама выскочила вперед вообще в спущенном до пупа вечернем платье и гордо продефилировала перед жюри походкой профессиональной модели. Ведущий надсаживался, на двух языках объясняя шановним громадянам и громадянкам, що в цьом конкурсэ... в смысле, что в этом конкурсе могут участвовать тильки титьки заранее зарегистрированных участниц.

Но было уже поздно. Не меньше двух десятков посторонних дам сотрясали основы мироздания своими прелестями, и Алёна всерьез начала опасаться, что скоро останется среди зрителей-мужчин в одиночестве – одетая. Вообще чем дальше, тем больше все это напоминало невольничий рынок, на котором все рабыни положили себе непременно быть проданными.

Конферансье между тем все еще не оставил надежд придать вакханалии подобие мероприятия. Конкурсанткам предстояло исполнить танец живота. И вот длинные платки, которые исполняли роль юбок в нынешнем действе, поползли на бедра, и вот уже эти бедра завращались с большим или меньшим проворством...

Алёну вдруг затошнило от воспоминаний. Фейруз учила ее танцевать арракс аш-шаркий⁴, положив ей руки на бедра и заставляя двигаться в такт мелодии. Иногда, улучив мгновение, когда Алим отворачивался, она хватала фиолетовыми губами сосок Алёны, и у той невольно вырывался сдавленный вопль. Алим выкрикивал ругательство, Фейруз на некоторое время отстранялась, но вскоре, словно в отместку, ее железные пальцы сползали все ниже и ниже, в глазах появлялось хмельное выражение, дыхание жарко вырывалось изо рта...

Рядом кто-то тихонько застонал. Алёна покосилась и увидела небольшого мужичка с бледным, потным лицом и остановившимися глазами. Его рука воровато гладила застежку джинсов, спускаясь все ниже и ниже...

– Эй, – раздался суровый шепот, – туалет в коридоре, сразу налево, дверь с буквой М, понял?

Бледный мужик кивнул и на подгибающихся ногах побрел сквозь толпу.

Тут уж Алёне стало совсем невмоготу. Она резко отвернулась от эстрады и сделала шаг, чтобы уйти, но наткнулась на кого-то и слепо подняла глаза, бормоча извинения.

– Ого! – раздался знакомый мягкий говор. – А вы чего ж не участвуете?

Это оказался старпом. Грицко крепко взял ее за плечи и взглядом знатока пытался проникнуть под тонкую ткань сарафана. Алёна выдвинула плечи вперед, опуская грудь.

Беда в том, что она начисто забыла прихватить при бегстве такую важную деталь туалета, как бюстгальтер, и теперь волей-неволей должна была обходиться без него. Конечно, на корабле в жару все ходили кое-как, кроме того, на Алёну никто и внимания особого не обращал, разве только брезгливо-сочувственно косились на рыжий шарфик на голове, но сейчас во взгляде Грицка ей почудилось нечто особенное. Чувствуя, как у нее искажается судорогой лицо, и едва удерживая ладонь, готовую взметнуться для пощечины, она резким движением вырвалась из крепких рук и начала проталкиваться к выходу.

– Олена! – Грицко выскочил вслед за ней в коридорчик. – Звиняйте, будь ласка, я ж ничего такого...

– Ладно, бывает, – угрюмо кивнула она, досадуя, что из-за ерунды так вышла из себя.

– А всеж-ки зря вы не участвуете, – сказал старпом с примиряющей улыбкой. – Но дело, конечно, ваше. Просто так поглядеть зашли?

⁴ Восточный танец (арабск.).

– Да я ключ искала, – пояснила Алёна, чувствуя, что надо быть повежливее с человеком, которому она обязана тем, что с каждым днем приближается к дому. – Мои соседки где-то здесь, то есть двух я видела на эстраде, а третья куда-то запропастилась. А ключа у меня нет.

– Ключ от каюты, где деньги лежат? – усмехнулся Грицко с горделивым видом интеллектуала, не стесняющегося своей эрудированности. – Придется выручить вас.

– Каким же это образом? – недоверчиво взглянула на него Алёна.

Он сунул руку в карман шорт и весело побрякал связкой ключей:

– Вы що, забыли, кто такой старпом? Если капитан – первый на корабле после Бога, то старпом – второй!

Они спустились на палубу третьего класса, пошли по коридору. На повороте Алёна оглянулась: вдруг показалось, что кто-то идет следом. Но в коридоре было пусто.

Первый же из ключей в связке старпома волшебным образом подошел к замку. Алёна сделала самую вежливую улыбку, на которую только была способна, и втерлась в каюту прежде, чем Грицко успел хоть что-то сказать. Судя по его лицу и взглядам, то и дело воровато шмыгающим на Алёнину грудь, он не прочь был продолжить прежнюю тему..

«Ничего, – мысленно утешила его Алёна, – там сегодня сколько угодно готовых на все теток найдется!»

Она услышала, как Грицко тяжело вздохнул за дверью, а потом послышались его удаляющиеся шаги.

Алёна улыбнулась и пошла в душ.

Не меньше получаса стояла она под струями прохладной воды, бездумно радуясь, что в «Салоне Каминов» отдельные удобства имеются даже в каютах третьего класса. Наконец, поняв, что рискует оставить остальных пассажиров без воды, отдернула пластиковую шторку, чтобы взять полотенце, – и удивленно вскинула брови. Вроде бы она утром развесила его здесь, на распяхках. Ее соседки обычно уносили полотенца в каюту, раскидывали их на постелях, чтобы быстрее просыхали, а Алёна все время забывала это сделать и, вытираясь сырым, ругательски ругала себя за растяпство. Неужели утром руки оказались умнее головы? Или соседки решили о ней позаботиться?

Она ступила мокрыми ногами на пол и, думая только о том, чтобы не поскользнуться, на цыпочках пошла в каюту. Но едва не рухнула на пороге, увидев, что полотенце, как она и ожидала, раскинуто для просушки на ее койке, но поверх полотенца... поверх полотенца раскинулся не кто иной, как старпом Грицко.

Как он сюда попал?! Ведь Алёна закрыла каюту... или нет? Или да, но он снова воспользовался тем же ключом, на сей раз – без ее просьб?

Впрочем, сейчас это было вторым вопросом. А первым – хоть чем-то прикрыться.

Ей бы, дуре, сразу шарахнуться обратно в душевую, запереться на задвижку, а она потеряла несколько мгновений, хватая полотенце с соседней кровати и обматывая его вокруг себя. Нестерпимо сделалось стоять вот так, голой и незащитной, перед этим мужиком, жадно глядящим на нее!

Не отводя от Алёны глаз, он начал медленно подниматься.

Тут уж она не мешкала – отпрянула в душевую, вцепилась в тугую задвижку и с силой закрыла ее. Припала к двери, тяжело дыша... но мгновение безопасности оказалось иллюзией: Грицко рванул дверь посильнее – и та распахнулась, защелка отлетела.

Алёна выставила вперед руки:

– Ты что? Пошел вон! Я буду...

Он сгреб ее за талию клешнятой лапишей и сильно рванул к себе:

– Будэшь, а як же ж? Ах ты, моя цацонька! Будэшь, будэшь...

Полотенце полетело в сторону, как жухлый осенний лист. Вообще силища в этих руках была необыкновенная. Старпом так сдавил Алёну, что она не могла дышать, бестолково молотила немеющими руками по мощным плечам, не причиняя Грицку никакой боли. Он только постанывал от удовольствия, волоча Алёну обратно в каюту:

– У, яка ж ты горячка! А ну, ще вдарь мене!

Она только собралась исполнить его просьбу, как Грицко с силой оттолкнул ее от себя – и Алёна впечаталась спиной в койку. Попыталась вскочить, но была тотчас опрокинута таким тычком в грудь, что подавилась рвавшимся криком.

Вот это силища! Где сравняться с ним рыхлому Алимуну и тем хилякам-арабам, которых он приводил! С ними Алёна еще пыталась как-то драться, пока жуткая Фейруз не лишила ее всякой воли к сопротивлению. А если бы в Аммане оказался Грицко, никакой Фейруз не понадобилось бы. Он же убьет, убьет ее следующим ударом, он же не соображает, что делает, не соразмеряет своих сил!

– Яка ж ты гарнесенька! – промурлыкал Грицко. – Хочь и лысенька, а все ж гарнесенька! Други дивчинки волосья на лобке бреють, а ты на лбу! – Он хохотнул.

Пытаясь перевести дыхание, Алёна беспомощно лежала плашмя, глядя, как Грицко расстегнул темно-синие форменные шорты и одним движением бедер спустил их вниз. Она зажмурилась, не желая видеть того, что восставало из черной гущи волос, и вдруг до нее дошло, что сейчас произойдет. До этого все, даже жадные руки Грицка, даже его удары были словно бы чем-то нереальным, как страшный сон, от которого надо только проснуться... Теперь Алёна сообразила, что проснуться не удастся.

Грицко ринулся к ней, и тогда, сильно поджав ноги, она резко распрямила их, угодив ему в грудь.

Грицко отлетел к двери, ударился в нее, а потом его так же стремительно отбросило вперед, словно резинового. Такое впечатление, что двери, как и Алёна, было до тошноты противно его прикосновение! Алёна едва успела вскочить с кровати, как Грицко плюхнулся на нее вниз лицом и на какой-то миг замер, постанывая. Этого мгновения Алёне хватило, чтобы с изумлением взглянуть на дверь-помощницу – и понять, что дверь тут ни при чем. В проеме стоял какой-то мужчина, и именно его толчок поверг охальника Грицка плашмя.

«Еще один?» – была первая, исполненная ужаса мысль. «Я его где-то видела», – мелькнула вторая. «Юрий?!» – прилетела третья.

Точно, это был он – какой-то ужасно бледный, еще более высокий и худой, чем запомнилось Алёне. Не глядя, сорвал покрывало с ближней койки, швырнул его Алёне, даже не удостоив ее взглядом, а потом ринулся вперед и сгреб Грицка за плечи, подняв его на воздух. На миг мелькнуло изумленное лицо старпома, влекомого к двери, и тут же он оказался вышвырнут из каюты сильнейшим броском. Загудела переборка, в которую влип Грицко. Алёна еще успела увидеть, как он, вытаращив глаза, сползает на пол, но Юрий тут же захлопнул дверь и повернул ручку.

Из коридора послышался стон, захлебывающийся мат, затем Грицко выкрикнул:

– Выкину за борт, разрази меня гром! На хрен выкину! – Далее последовало нечто, к счастью, непере译имое.

Вслед за этим послышались неуверенные шаркающие шаги, которые вскоре стихли.

Грицко ушел – теперь, надо думать, окончательно. Но Алёна все еще не могла поверить в это.

– У него ключи, – выдавила Алёна.

Юрий глянул исподлобья, но тотчас отвернулся, и она сообразила, что как поймала покрывало, так и держит его в охапке. Торопливо обмоталась на манер сари, и Юрий осмелился посмотреть на нее. По лицу его скользнула слабая улыбка, в руках что-то зазвенело:

– Нету у него больше никаких ключей.

На его пальце качалась знаменитая связка, имущество «второго после Бога».

Алёна обреченно закрыла глаза.

– Ну, все... Теперь мы пропали. Точно: или за борт выкинет, или высадит на берег, или пограничникам сдаст.

Юрий недобро покосился на нее:

– Может, мне пойти перед ним извиниться? А то пошли вместе: я попрошу прощения, а вы молча возьмете его за руку и приведете обратно. Похоже, я вообще появился не вовремя. Наверное, неправильно понял сцену, которая здесь происходила?

Алёна глянула на него исподлобья. Ладонь у нее опять зачесалась. Может, то, что не досталось Грицку, вклеить этому наглецу?

– Ладно, извините, я не то хотел сказать, – буркнул Юрий, отводя глаза. – Просто меня такое зло взяло, когда увидел, что вы вместе с ним с конкурса уходите! Подумал...

– Интересно, а почему вы подумали именно это? – холодно спросила Алёна, чувствуя, что ее начинает бить озноб.

Плохо дело. Кажется, начинается истерика. Только этого не хватало! Надо сделать так, чтобы этот Юрий ушел как можно скорее. Если она сейчас сорвется...

– Разве не о чем было больше думать? Или, может, у меня на лбу стоит клеймо профессиональной проститутки?

Его лицо будто огнем опалило.

– Еще раз прошу прощения. Просто за время этого дурацкого конкурса столько народу расплозлось парами по каютам... – Он слабо усмехнулся. – Мои соседи тоже удалились со своими дамами. Уж не знаю, как они там будут устраиваться в каюте, по очереди или все вместе? Конечно, у них сегодня праздник: я наконец-то перестал их доставать своей морской болезнью. Всю эту неделю буквально пластом лежал, сам себе опротивел. Никогда не думал, что окажусь таким слабаком...

Вдруг Юрий умолк и растерянно уставился на Алёну. Она злорадно усмехнулась. Наконец-то до него дошло, что она сказала: насчет профессиональной проститутки. Долгонько же земляк соображает!

– Чего уставились? – спросила грубо, желая сейчас только одного: остаться одной.

О господи, как он смотрит, как отводит глаза, как они шныряют с лица на голые плечи, на небрежно прикрытое тело, которое он только что видел неприкрытым!

Нервно облизнул губы. Нет, это проклятие какое-то. А ведь ей казалось, что он-то раньше смотрел на нее иначе, совсем иначе! Но все та же похоть в его глазах, все та же извечная, проклятущая мужицкая похоть, от которой ей, наверное, не избавиться вовеки веков.

– Спорим, я знаю, о чем вы хотите меня спросить? – попыталась усмехнуться, едва справляясь с трясущимися губами. – Сколько я беру за сеанс, правда? Не стоит даже и спрашивать: вам не по карману. Если уж мы с Грицком не сошлись в цене, то вам тут тем более делать нечего.

– Успокойтесь, – пожал он плечами. – У меня и в мыслях не было... Я просто подумал, что вы совсем не похожи на профессиональную проститутку, вот и все.

Что это за выражение у него в глазах? Уж не жалость ли? Скажите, пожалуйста! Жалость, в самом деле... А подите вы все со своей жалостью!

– Не похожа? – с провизгом усмехнулась Алёна. – Вы их что, много видели, проституток? Очень даже похожа, не сомневайтесь. Я в Аммане этим самым и зарабатывала. Замечательное местечко Амман для русских гурий!

Ей попала вожжа под хвост, и остановиться в своей ненависти к себе было уже невозможно.

– Кстати, насчет того, на кого я похожа или не похожа... – Алёна близко шагнула к Юрию и, не отдавая отчета, что делает, принялась распутывать свое импровизированное сари. – А на профессионального убийцу я как – похожа?

Он передернул плечами:

– Алёна, вы соображаете, что говорите? Я понимаю, перенервничали из-за этого поганого хохла, но нельзя же так...

– Ничего вы не понимаете! – крикнула она, почти с блаженством уступая накатывающейся истерике. И то слишком долго держалась, просто удивительно, что не сорвалась раньше. А теперь – плевать, плевать на все! – Я убила двоих. Одну женщину в Нижнем Новгороде, но это нечаянно, это просто так получилось, меня даже судить не стали, ну а в Аммане меня точно полиция разыскивает. Я так же шарахнула Алима об стенку, как вы сегодня Грицка шарахнули, но Грицко живой, а Алиму не повезло. Сволочи! Сволочи, все вы сволочи... – Она замотала головой. – Могла бы – еще двадцать раз убила бы его, тварь поганую! Ну как? Теперь верите?

Она отбросила покрывало и пошла, пошла по кругу в первых движениях арракс аш-шаркий, напевая мелодию, поводя бедрами и высоко вздымая руки, чтобы груди приподнялись, колыхнулись волнующе...

Юрий, упрямо наклонив голову, бледный, прошел как бы сквозь нее, рванул дверь, забыв, что она заперта на ключ.

Алёна потерянно замерла посреди каюты, опустила руки...

Ее вдруг как-то *отпустило*. Только дрожь осталась, а туман, поселившийся в голове, выдуло мгновенно. Смотрела молча, беспомощно в спину человека, стоявшего около двери...

Он оглянулся, пожал плечами, потом медленно подошел к Алёне и, подняв с полу покрывало, набросил ей плечи:

– Ладно, хватит. Прикройся.

Ее бил такой озноб, что зуб на зуб не попадал.

Юрий подвел ее к койке, Алёна послушно легла, свернулась калачиком.

– Х-хол-лод-д-дно...

Юрий покачал головой, заглянул в рундук под койкой, достал одеяло, потом другое, третье. Сел рядом.

– Эй, может, врача позвать? У тебя, часом, не малярия?

– Н-нет. Н-нерв-вы...

– А, так ты ко всему прочему еще и профессиональный псих?

Алёна испуганно глянула на него, но увидела улыбку – и закрыла глаза, чтобы спрятать внезапные слезы. Высунула из-под груди одеял руку, вцепилась в его пальцы – они были просто раскаленные по сравнению с ее ледяными!

– Не уходи. Пожалуйста, не уходи...

– Ладно.

Алёна Васнецова. Январь 1999

Фаина Павловна вошла в операционную, как всегда, с таким видом, словно ей предстояло свершить бог знает какие великие дела: шаг стремительный, руки в перчатках на отлете, из-под колпачка ни волосиночки не выбивается, брови сосредоточенно сведены, невидимые сейчас под марлевой повязкой тонкие губы – Алёна это наверняка знала – стиснуты в ниточку. Полная боевая готовность к превращению блудницы в голубицу!

Маленькая женщина, лежащая на кресле, смотрела на Фаину, как кролик – на удава, вползающего в его клетку. Алёна чуть не фыркнула, однако сдержалась, потому что Фаина ей этого никогда не простила бы. Боже упаси, знали в центре, если до Малютиной долетят хоть какие-то смешки или пересуды на ее счет или хотя бы на счет ее пациенток. Фаина Павловна всерьез считала, что в основе благосостояния центра лежит именно ее святая деятельность по втиранию очков мужикам, а всякие там подтяжки стареющих прелестей или отсосы жира с толстых животов – это от лукавого. Ничего не скажешь: возвращение девственности – удовольствие дорогое. Когда у Фаины появлялась новая пациентка, всем остальным сотрудникам можно было рассчитывать хоть на небольшие, но все же премиальные.

Но эта женщина, сложением больше похожая на пожилую девочку, вряд ли принадлежит к денежным слоям общества... Хотя как знать, если заявила сюда и записалась на операцию! Впрочем, Фаина, помнится, что-то такое говорила, будто за нее платит жених, кавказец, которому до смерти приспичило жениться на девственнице. То есть именно на этой конкретной девственнице.

– Приступим? – бодро спросила Фаина, устремляя пронзительный взгляд в глаза будущей девушки, и та от страха просто-таки заелозила голым худеньким задом по клеенке.

– Больно будет? – спросила жалобно – наверное, уже в пятый раз, и Алёна устало вздохнула, потому что малость притомилась отвечать на этот вопрос. Ответа пациентка словно бы и не слышала: кивала, а через несколько минут снова спрашивала обморочным шепотом: «Больно будет?..»

– Ну, Надюша, мы же сто раз про это говорили! – рассеянно ответила Фаина, пристальным взором глядя на тощий живот и до блеска выбритый лобок пациентки. – Аборт с укольчиком когда-нибудь делала? По времени примерно то же самое, по нашим усилиям – раз в десять сложнее, по твоим ощущениям – тихий сладкий сон, за которым последует исполнение всех желаний...

И она заговорщически глянула в глаза пациентки, словно знала об этих мечтаниях что-то особенное.

Алёна увидела, что бледные худые щеки Надежды зарозовели, глаза заблестели, внезапно наполнившись счастливыми слезами, и все ее такое обыкновенное и даже, прямо скажем, некрасивое личико преобразилось, внезапно похорошев. Алёна несколько раз растерянно моргнула, изумленная этим волшебным превращением лягушки в царевну, однако злые чары уже снова сомкнулись над лицом Нади, натянув на него прежнюю неказистую маску.

Батюшки! Да она, похоже, по уши втрескалась в этого своего кавказца и натурально на все готова, только бы им завладеть!

– Начинаем, – сказала Фаина Павловна, и Алёна взялась за флакон с дезраствором, чтобы смазать, так сказать, операционное поле, как вдруг в глазах врача мелькнуло озабоченное выражение, и она наклонилась над животом пациентки: – А это что такое?

Ничего особенного, на взгляд Алёны, над синеватым лобком не наблюдалось, только маленькая родинка-папиллома, однако в голосе Фаины звучал такой ужас, как будто ей по меньшей мере довелось наблюдать воочию признаки чумы египетской. Пациентка мгновенно

занервничала, попыталась приподняться и поглядеть, что привлекло внимание врача, но Фаина властным жестом заставила ее снова лечь:

– Не дергайся, Надюша. Все в порядке. Алёна, смажь-ка папилломку йодиком, давай побыстрому.

Рука Алёны зависла над столиком в поисках флакона с йодом. Вот странности, его нет. Подошла с шкафчику с лекарствами, который стоял в глубине операционной, но йода не оказалось и там.

– Ну, моя дорогая... – пожалала полными плечами Фаина Павловна. – Непорядок, непорядочек. Пойди-ка принеси и сделай все как надо. Уж не знаю, чем твоя голова занята. Если опять за Ингу переживаешь, то вот мой тебе совет: плюнь ты на нее! Взрослая девка, своим умом живет, у нее своя судьба, и не тебе...

Алёна закрыла двери операционной, отсекая рассудительный голос Фаины Павловны.

Все правильно. Все именно так, как она говорит. Своя судьба, своя голова на плечах... Очень даже соображучая голова, кстати сказать! Первое, что брякнула Инга, узнав, что в центре «Ваш новый образ», где работает старшая сестра, начали делать операции по восстановлению девственной плевы, было:

– Ну наконец-то! А то тут один хахаль недавно брякнул, что всю жизнь мечтал переспать с девочкой, да их, говорит, теперь уже днем с огнем не сыщешь. Я ему уже хотела посоветовать к своей сестричке обратиться, но теперь, похоже, своими силами обойдусь. А запиши-ка ты меня на эту операцию, вот он вытаращит глаза, когда в следующий раз протолкаться в меня не сможет! А я ему так и скажу: я теперь девочка, если целку порвешь, в загс поведешь! Как ты думаешь, он сделает мне предложение? И, кстати, эту операцию небось не один раз проводить можно? Это какой же простор для аморалки!

И захохотала, повалившись на диван, высоко задрав ноги, чтобы сестра видела: трусики Инга по-прежнему не носит. Для удобства употребления, как она выразилась однажды...

Алёна постояла перед аптечным шкафом, пока не рассеялись перед глазами эти желто-красные круги и она разглядела на верхней полке с десяток пузырьков с йодом. Черт бы их подрал! Черт бы подрал эту Фаину! Зачем она брякнула про Ингу? Нарочно, определенно нарочно – ведь прекрасно знает, как ранит Алёну, что похождения ее сестрички известны всем и каждому! Главное, все утро потратила на попытку успокоиться перед операцией, и ей это даже почти удалось, а теперь снова... Ого, как дрожат руки, удастся ли точно попасть в вену или, как в прошлый раз, истычет всю руку пациентки?

– Что-то ты долго, – холодно сказала Фаина Павловна, когда Алёна вернулась в операционную. – Соберись, соберись!

– Может быть, позвать другую сестру? – послышался голос, и Алёна увидела не замеченную прежде Соню Колобанову, старшую медсестру, которую дернуло именно в этот момент заглянуть в операционную. – А что с тобой, Васнецова, какие-то проблемы?

– Со мной все в порядке, – холодно ответила Алёна и высоко подняла руку, показывая пузырек. – Просто ходила за йодом, только и всего.

– Об этом надо было позаботиться до операции, – буркнула Колобанова, но тут окончательно потерявшая терпение Фаина Павловна нетерпеливо махнула на нее рукой, и Соня захлопнула дверь с такой поспешностью, что едва не прищемила свой длинный и не в меру любопытный нос.

– Мы начнем когда-нибудь? – В голосе гинеколога звучали металлические нотки.

Алёна торопливо смазала злосчастную папиллому, аккуратно отломив горлышко ампулы и распечатала пакетик со шприцем. И тут же вспомнила, что забыла проверить вены пациентки. О господи, да что за напасть!.. Хоть лоботомию делай, чтобы не думать об этой поганке, которую судьба дала ей в сестрицы!

Спасибо, вены у Надежды оказались хорошие. Настолько худые руки, что каждая жилочка видна. И при этом сильные руки, вон какие загрубелые ладони!

Да, она еще кое-что забыла.

– У вас аллергические реакции есть какие-нибудь?

– Это в смысле на пенициллин? – взглянула на нее Надежда. – Нет, бог миловал.

– Пенициллин мы вам вводить не будем. На нейролептики, на самбревин? На обезболивающие, я имею в виду?

– Когда зуб рвали – кололи, все в порядке было.

– Аборты делали? Никаких осложнений?

Надя оглянулась на Фаину Павловну, потом опять робко воззрилась на Алёну:

– Нет... у меня первый выкидыш был, а потом я уж не беременела...

В глазах у нее мелькнуло извиняющееся выражение, и Алёна, непонятно почему, вдруг стало стыдно за свои профессионально холодные вопросы.

Она протерла место будущего укола ваткой со спиртом:

– Сейчас обезболивающий укол – и все. Спокойно лежите. Это совершенно не больно.

– Я не боюсь, не переживайте, – шепнула Надя, и Алёна взглянула ей в глаза, изумленная ноткой сочувствия, прозвучавшей в этом хриплом от волнения, срывающемся голосе.

Это надо же! Сама едва жива от страха и еще пытается кого-то утешать!

Ей вдруг стало стыдно собственного внутреннего хихиканья, с каким она встретила немолодую пациентку, решившую в полном смысле слова начать новую жизнь... в смысле, новую половую жизнь. Попыталась улыбнуться, но под маской Надежде все равно не было видно ее улыбки, и Алёна только шепнула – как могла ласково:

– Все будет хорошо. Все будет очень хорошо!

Надежда моргнула в знак согласия и пошевелилась, как бы устраиваясь поудобнее.

Алёна отошла положить шприц, Фаина приблизилась и встала над изголовьем пациентки.

Надежда лежала, чуть повернув голову, разглядывая столик с лекарствами.

«Интересно, о чем она сейчас думает? – Алёна отложила шприц и взяла пациентку за запястье. Пульс хороший, немножко неровный, но это от волнения. – Может, об этом своем... как его там? Фаина вроде бы говорила, что он младше ее. Надо же, какая любовь! А Надюше за сорок. Значит, это бывает в любом возрасте!»

И голос Инги, словно по какому-то дьявольскому приказу, вдруг зазвучал в памяти, – насмешливый, презрительный голос:

«Конечно, чем раньше, тем лучше, но, по-моему, в любом возрасте начинать не поздно. Ничего, мальчики у меня хорошие, с понятием, поймут, что такое чудо природы, как ты, требует бережного обращения. А если тебе не понравится, твоя Фаина тебя быстренько заштопает – и ты снова сможешь смотреть на меня с этой брезгливой мордой, по которой мне иногда так и хочется вдарить!»

– Она уснула, – сказала Фаина Павловна, становясь в изножье кресла и беря инструмент. – Алёна, а тебе спать вряд ли стоит. Подойди ко мне, смотри, учись, не век же тебе в медсестричках бегать.

Операция началась.

Когда Алёна смотрела на руки Фаины, то всегда забывала, какая же она, в сущности, противная и скандальная тетка. Пальцы ее двигались так точно, экономно, проворно! Иногда Алёна думала, что если бы эти операции не носили столь интимного характера, если бы обновленную девственную плеву можно было извлечь из женского лона и как следует разглядеть, то зрители залюбовались бы тщательностью и тонкостью наложения стежков, как любят художественной вышивкой!

Трудно было отвести глаза от работы Фаины, однако вдруг Алёна заметила, что худой живот Надежды покрылся испариной. Взглянула на ее лицо...

Что такое? Глаза приоткрыты, видны белки, на лбу испарина.

– По-моему, ей нехорошо, – пробормотала она, берясь за пульс – и ахнула: пульс еле прощупывался.

Тоненькая ниточка слабела с каждым мгновением. Внезапно тело Надежды судорожно сжалось, вновь распрямилось...

– Да что там? – раздраженно прикрикнула Фаина. – Я же ее снова порву! В чем дело? Проверь давление!

Алёна суматошно огляделась в поисках тонометра. По идее, манжетка должна была быть надета на руку больной, но кто и когда это делал при таких незначительных операциях, как аборт или восстановление плевры, при получасовом рауш-наркозе, когда человек ненадолго вырубается и скоро опять приходит в себя? Давление отслеживали по пульсу... а пульс едва прощупывается. Значит, у Надежды давление катастрофически падает!

Что такое? Неужели все-таки аллергия на самбревин? Но первое применение аллергена не дает катастрофических результатов, только повторное, а ведь Надежда уверяла, что ни разу не делала аборта. И вообще это не картина аллергии, когда больной начинает задыхаться от отека гортани, хрипит, конвульсивно хватается руками за грудь, теряя сознание от удушья. Что с ней?..

– Господи! Пульса нет!

Фаина Павловна воздела руки в окровавленных перчатках, мгновение постояла, немо глядя на Алёну, потом вздохнула так глубоко, что маску втянуло в рот.

Раздраженно сорвала ее, принялась стягивать перчатки, неотрывно глядя на бледное, покрытое крупными пятнами пота лицо Надежды с закаченными глазами и бессильно приоткрывшимся ртом.

Схватила другую руку, отбросила, не найдя и признаков пульса:

– Адреналин! Массаж сердца! Вызывай реаниматора! Мы ее теряем!

Алёна Васнецова. Май 1999

– И что? – глухо спросил Юрий.

– Ну и... – Алёна помедлила с ответом. – Ну и все. Потеряли.

– Значит, она умерла? – уточнил он, как будто тут еще что-то требовалось уточнять.

Алёна кивнула, утыкаясь лицом в подушку. На какой-то миг стало жутко: а вдруг Юрий сейчас вскочит и убежит, наконец-то поняв и поверив, что ее истерические выкрики – не пустая болтовня, что за ними – судьба и смерть конкретного человека, случившаяся по Алёниной вине, из-за недосмотра, служебной, так сказать, халатности. Но рука Юрия на ее плече не дрогнула, и все так же тепло дышал он ей в затылок, и так же мерно вздымалась грудь, прижатая к ее спине.

Не сказать, что Алёна чувствовала его тело: все-таки их разделяли три одеяла, в которые она была укутана, как куколка в кокон. Но он, конечно, оказался прав: вдвоем теплее. Это ощущение дружественной, более духовной, чем физической, близости крепко прижавшихся друг к другу тел оказалось именно тем средством, которое помогло Алёне не только успокоиться, но почти прийти в себя. Как странно – испытывать такое доверие к человеку... к мужчине! Сколько раз, лежа распластанная под каким-нибудь смуглым телом, отчаянно трудясь над ним сверху или иступленно работая ртом, она спасала душу и рассудок только тем, что давала себе отчаянные клятвы: никогда, ни за что, ни с кем больше! Если это будет зависеть от нее, никогда ни один мужчина не коснется ее тела. Физической близости было за эти месяца столько, что хватит воистину на всю оставшуюся жизнь! То, чем раньше Инга пугала ее, чем могла заронить хоть зерно сомнения в ее девственную душу: судьба их двоюродной бабушки Варвары Васильевны Громовой, прожившей век в одиночестве, так и не нашедшей себе никого после гибели мужа, не нажившей ни семьи, ни детей и с возрастом совершенно одичавшей от своей неприкаянности, – теперь казалось Алёне самой завидной участью. Но все-таки в такой вот близости лежащих рядом людей что-то есть... что-то особенное.

Она так глубоко утонула в своих мыслях, что вздрогнула, услышав тихий голос Юрия:

– И все-таки я не понял... Если не было аллергических реакций, как ты говоришь, почему же Надя тем не менее умерла?

– Чего тут понимать? – буркнула Алёна, дернув плечом так, словно ей было совершенно необязательно, чтобы его рука продолжала лежать на этом плече. – Умерла она не от аллергии, а от переизбытка инсулина.

– То есть как? – удивленно выдохнул он, и ее стриженому затылку снова стало тепло от его дыхания.

– Молча! Я ей впрыснула инсулин, оказывается.

– А разве на ампуле...

– На ампуле не было никакой надписи, – перебила Алёна. – В том-то и штука, понимаешь? Такое сплошь и рядом бывает, что маркировка стирается. А поскольку я сама ее взяла из упаковки с самбревином, из ряда других точно таких же ампулок, причем там половина была с надписями, половина без, то у меня и сомнений никаких не могло возникнуть.

– Значит, это выяснилось при вскрытии, ну, что инсулин стал причиной?..

Алёна тяжело вздохнула.

– В том-то и дело, что инсулин при вскрытии найти невозможно! Это ведь гормон, который вырабатывается нашим организмом. При диабете его резкая нехватка, необходимо добавлять искусственно. А в нормальном, здоровом организме количество его строго дозировано. Есть, правда, такая болезнь – гиперинсулемия, это антипод диабета. Больной гиперинсулемией человек болезненно реагирует на все сладкое, для него даже лишнее яблоко съесть – уже зна-

чит вызвать приступ, потому что резко увеличивается количество инсулина в организме. А Наде я впрыснула целую ампулу...

– Нет, и все-таки, – упрямо сказал Юрий. – Каким же образом было установлено, что Надя погибла именно от инсулина? Ах да! Ну какой же я тупой! В ампуле что-то оставалось на дне, на стенках? Наверное, в милиции провели анализ этих остатков, и...

– Провели, – усмехнулась Алёна. – Только не в милиции. Понимаешь, когда мы поняли, что Надюша уплывает, такая началась суматоха! Мы реаниматоров вызвали, там куча народу как-то образовалась. И в этой сумятице ампула исчезла. Не сама по себе – вместе со всем содержимым кюветы, куда я складывала мусор: ватки использованные, осколки отломанного горлышка ампулы, ну, всякое такое. Почему-то исчезло абсолютно все. В этом пытались обвинить меня: я, мол, скрыла следы преступления, – но нашлись люди, которые подтвердили, что я оставалась все время на виду, никуда ничего не выбрасывала, не выносила. Да я вообще была в таком состоянии... Каждую минуту думала, что вот сейчас арестуют и поведут в тюрьму. Но никто меня не трогал, только допросы были, конечно. Но что я могла сказать? Ампулу я накануне операции взяла из фабричной упаковки, ввела больной то, что было в этой ампуле... Если это все-таки был самбревин, Надя могла погибнуть только от аллергии. Но картина не аллергическая – картина, типичная для передозировки инсулина. Однако это обнаружить невозможно. И ампула исчезла, неизвестно, был ли это инсулин или все-таки самбревин, на который Надя дала такую страшную реакцию. Замкнутый круг! Сказка про белого бычка! В конце концов эксперты дали такое заключение: смерть наступила от аллергической реакции на самбревин, ну, там как-то иначе написали, но суть такая. Короче говоря... короче говоря, меня оставили в покое, дисквалифицировав как медработника.

– Короче говоря, – повторил Юрий. – Значит, есть о чем говорить долго?

Алёна промолчала. Есть, как не быть! Только не хочется. Вообще ни о чем не хочется говорить. Хочется просто так лежать и радоваться, что наконец-то удалось согреться, что потянуло в сон, и было бы здорово сейчас задремать, забыться...

– Погоди-ка. – Голос Юрия вонзился в тоненькую паутинку дремоты и порвал ее. – А что ты имела в виду, когда сказала, что анализ все же провели, но только не в милиции?

Да, надо было ожидать, что он прицепится к этим словам. Угораздило же сболтнуть...

– Понимаешь, – неохотно пробормотала Алёна, – не знаю, какое у тебя по моим словам сложилось впечатление о Фаине Павловне, но в этой истории я ей обязана очень многим. Даже не ожидала, что она поведет себя так достойно. Все время твердила, что это была несчастная случайность, что дело не в моей служебной халатности, а в трагическом недосмотре упаковщицы на фабрике, ну и все такое. Она клялась и божилась, что я не могла, не было у меня такой возможности – выбросить ампулу и весь остальной мусор. Словом, она стояла за меня горой и, как я подозреваю, привела в действие какие-то свои очень даже немаленькие знакомства. Ей и самой тяжело пришлось, ведь это такое пятно легло на центр – ужас! Нет, конечно, никакой информации никуда не прошло, Фаине как-то удалось этого добиться. Но ведь этот несчастный укол я сделала в ее присутствии... С точки зрения Рашида, виноваты были мы обе.

– С точки зрения Рашида? А это еще кто?

– Это парень с Мытного рынка, азербайджанец, кажется, жених бедной Надежды. Ради него, вернее, из-за предрассудков его матери она и решилась на операцию. Не решилась бы – жила бы и жила в свое удовольствие вместе с этим Рашидом. Похоже, он ее крепко-таки любил. Я его дважды только и видела, но этого хватило... – Ее снова начал бить озноб. – В январе и феврале, пока не уехала в Амман, я жила под страхом смерти. Пряталась по знакомым, по подружкам сестры, даже в Выксе у тетушки пыталась скрыться, но... Понимаешь, у меня тетка – мирская послушница, у нее одна цель в жизни: самой монашкой стать и нас с Ингой – это сестра моя – в монастырь пристроить. И пока я у нее жила, она меня до такой степени достала неизбежностью пострига, что даже Рашид стал казаться меньшим злом. Теперь-то я,

дура, понимаю, что она была совершенно права, мне Бог еще тогда знак давал, на какую стезю следует стопы свои направить, ну а тогда я боялась монастыря, как последняя идиотка. Мне Бог просто-таки в лоб стучал: вот, вот где спасение, а я... А тут как раз позвонила Фаина, я и вернулась в Нижний. Вот уж правда, что кого Бог хочет погубить, того лишает разума.

– По-моему, ты совсем запуталась, – перебил Юрий. – То Бог наставлял тебя на путь истинный, то разума лишил...

– Наставлял, – упрямо кивнула Алёна. – Сначала пытался наставить, а потом, когда увидел, что я не внемлю свету и в темноте своей упорствую, отступился от меня и предоставил дьяволу.

– Вот в чем-чем, а в теологии и софистике я не силен, – хмыкнул Юрий. – Поэтому сдаюсь без боя. Однако ты все время норовишь уйти от ответа: что же все-таки случилось с ампулой?

– Ах да... – неохотно протянула Алёна. – Ампула потом нашлась. Вернее, она никуда и не девалась. Ее сразу забрала и спрятала Фаина Павловна.

– По-нят-но, – пробормотал Юрий. – Знаешь, я почему-то именно так и подумал.

– Значит, ты умнее меня, – вздохнула Алёна. – А мне это и в голову не могло прийти. И когда Фаина вдруг показала мне ампулу и заключение независимого эксперта, я только и знала, что смотрела на нее и недоумевала.

– И чем же она объяснила свой поступок?

– Заботой обо мне, чем же еще! Мол, ей сразу стало ясно, что Надюша умирает от передозировки инсулина, но она сообразила, что мне очень трудно будет оправдаться, если ампулу найдут. Нет ампулы со следами инсулина – нет и категоричного ответа. Возможны, так сказать, варианты. Ну что ж, Фаина оказалась права, ведь в заключении судмедэкспертизы подтверждался факт аллергической реакции!

– То есть Фаина тебя от тюрьмы спасла, я правильно понял? – уточнил Юрий.

Алёна молча дернула плечом: выходит, так. Выходит, спасла.

– Вот это я понимаю: ловкость рук и никакого мошенства. Как же ей это удалось сделать, что никто не заметил?

– А кому замечать? Я была в полной отключке, в такую истерику впала, что до сих пор стыдно вспомнить. И сначала мы с ней были вдвоем около Надежды, народ уже потом, где-то через несколько минут набежал. Да ты и сам говоришь: ловкость рук...

– И по какой причине, интересно знать, она так старалась?

Алёна чуть не засмеялась этим ноткам неприязни, прозвучавшим в голосе Юрия. Вот это солидарность!

– А как насчет человеколюбия *vulgaris* у Фаины?

– Да ведь ты и сама в это не больно-то веришь, так?

– Ну, так, – пробормотала Алёна неохотно. – Фаина спасала себя почти в такой же степени, как и меня. Одно дело – непредвиденная реакция организма, другое дело – преступная халатность. Конечно, ее не посадили бы, наверное, даже не лишили бы лицензии, но все равно... А центр, работа в нем – это ее жизнь, ради этого она на все готова.

– Даже тебя отмазать?

– Даже на это.

– То есть ты ей как бы благодарна, я так понял?

– Ну да... как бы.

– Не получается, – озабоченно сказал Юрий.

– Что не получается?

– Вернее, не стыкуется.

– Да ты о чем?!

– Если ты ей как бы благодарна, если признаешь, что она вела себя по отношению к тебе достойно и благородно, – за что же ты ее так ненавидишь?

Варвара Васильевна Громова. Май 1999

– «... Через несколько дней она вдруг проснулась с чувством тревоги. В комнате стоял какой-то странный холод. И жуткая тишина. За занавесками обозначился чей-то силуэт. «Этоты?» – позвала она сына. Ночь словно расступилась, и из темноты вышел... муж. «Ну что, хорошо на моей крови живешь?» – спросил глухим голосом...»

Варвара Васильевна споткнулась на ступеньке. Да, хорошо читают! Не зря «исполнительница» долгие годы работала диктором на вокзале: объявляла прибытие и отправление поездов. Конечно, от этого у нее в голосе поселился некий металл, однако сейчас это очень кстати: газетная заметочка в ее исполнении звучит ну прямо как сцена из «Макбета», честное слово!

Чтение между тем продолжалось:

– «Женщина так и обмерла. «А раны мои хочешь потрогать?» – снова спросило видение и приблизилось. Распахивая на себе окровавленную рубашку. Женщина упала в обморок. Наутро у нее по телу пошли красные пятна...»

На втором этаже хлопнула дверь, зазвучали шаги.

Варвара Васильевна сжала зубы. Ну сколько можно стоять в подъезде, не решаясь выйти? Не хватало, чтобы кто-нибудь увидел, как она, затаившись, слушает всякие глупости! Нет, надо выходить. В конце концов, это не страшнее, чем рукопашный бой. Странно все-таки, что, когда длилось это кошмарное разбирательство, соседи были вроде бы на ее стороне, сочувствовали, даже как-то передали печенье и сок в камеру, где она немного просидела, пока совет ветеранов не добился изменения меры пресечения на подписку о невыезде. А потом ее вообще оправдали. Но тут соседок словно подменили. Особенно эту Нинель Петровну, эту чтицу-декламаторшу, артистку погорелого театра!

Варвара Васильевна оторвала от пола затекшую ногу, сделала шаг, потом управилась с другой ногой. Вышла на крыльцо и успела увидеть, как одна из соседок, сидевших на лавочке, толкнула в бок вальяжную женщину с темно-фиолетовыми волосами, которая держала в руках «Ведомости». Варвара Васильевна холодно поздоровалась со всеми и прошла мимо, отметив, что вслед ей прозвучал один только робкий отклик:

– Здра... – и тут же замер, будто отступница от общего бойкота сама себе зажала рот. Или ей зажали, что вернее.

Почему-то вспомнилось, как тот темноглазый парень в спортивной шапочке, натянутой на лицо, скучным, мудрым голосом изрек: соседки, мол, везде одинаковы, старые суки, которым в кайф, когда у кого-то беда. Прав он был, фашист «Адидас»!..

А газетка та самая, точно. Сначала Варвара Васильевна решила, что еще какой-то бульварный листок перепечатал эту чушь, но нет: тот же «Губошлеп», как называли в народе газету «Губернские ведомости» за ее пристрастие к поганым сплетням, частенько измышленным самими же сотрудниками желтого листка. Теперь нет сомнений, кто подкинул ей вчера в почтовый ящик эту газетенку, предварительно отчеркнув красным карандашом заметочку с жутким названием: «Труп навещает убийцу». Что характерно, заметка была набрана белым шрифтом на черном фоне, так что Варваре Васильевне пришлось надеть вторые очки, прежде чем в глазах перестало рябить и она смогла докопаться до смысла этой жути.

Жуть состояла в том, что в собственной квартире был зарезан какой-то не очень бедный человек. Подозрение пало на его пасынка. То есть он не сам убивал, но привел в дом тех, кто расправился с хозяином. Однако пасынка освободили от ответственности: и несовершеннолетний еще, и справку из психиатрической лечебницы мать выправила. Зажили наследники припеваючи, однако в скором времени начал являться в их квартиру призрак убитого, пугал до смерти, а наутро у преступных матери и сына возникали на теле красные пятна... Сын вскоре умер от неизвестной болезни; мать продала квартиру и уехала куда-то.

«Переедешь, наверное, – мрачно подумала Варвара Васильевна. – Можно себе представить, как ее донимали все кому не лень. Неизвестно, виновата, нет, убивала, нет, – главное, побольнее ударить человека, причем совершенно безнаказанно».

Ну вот, не хватало еще, чтобы она начала жалеть, как товарищей по несчастью, каких-то незнакомых убийц, причем вполне вероятно, что выдуманных.

Однако какова пакость эта Нинель Петровна! Обнаглела! Почему она так уверена, что Варвара Васильевна ее не спросит прямо?

Варвара Васильевна резко повернулась и пошла к подъезду, откуда доносилось громогласное:

– Это же закон! Закон небесной справедливости! Если наши суды не могут наказать преступников, их карают небеса. «Поезд номер 38 сообщением Москва—Горький прибывает к первой платформе!»

Впрочем, увидев стремительно приближающуюся Варвару Васильевну, Нинель Петровна осеклась и заерзала на лавочке, будто собиралась вскочить и дать деру, но все же осталась сидеть: слишком тесно была стиснута с двух сторон своими благодарными слушательницами.

Глядя в ее испуганно заметавшиеся, некогда фиолетовые, а ныне выцветшие глаза, Варвара Васильевна негромко спросила:

– Нинель Петровна, зачем вы мне в почтовый ящик подсунули «Губернские ведомости»?

– Я не... – шлепнула та губами, но тут же, поняв, сколько куботонн авторитета теряет среди подружек-сплетниц, возмущенно взвилась: – Я ничего вам не подсовывала! Что вы себе позволяете?!

– А что я такого особенного себе позволяю? – притворно удивилась Варвара Васильевна. – Я только хочу поблагодарить вас, что подсунули мне интересную газетку. Я ее никогда не покупала – брезговала, знаете ли, – но для разнообразия прочла. И спасибо, кстати, что самую интересную заметку обвели красным карандашом. Ту самую, которую вы сейчас с таким пафосом исполнили. Интересная тема, правда? Но неужели вы всерьез воспринимаете всю эту ахинею? В ваши-то годы, прожив такую бурную жизнь, и еще верить в бродячие трупы и... небесную справедливость?

Ужасно, ужасно хотелось напомнить Нинельке, что ее-то есть за что карать небесам! Например, за то, что сдала в дом престарелых своего отца, полупарализованного старика. Варвара в то время была в санатории, а иначе, может быть, и образумила бы соседку. Со стариком она была дружна: он ведь тоже воевал, правда, на Севере, но им было о чем вспомнить вместе. Когда Варвара Васильевна вернулась, дед уже умер, не пробыв в доме престарелых и двух недель. Тогда Варвара все высказала Нинельке в лицо – все, что о ней думала. Да толку-то! Вскоре соседка выжила из квартиры прописанную там внучатую племянницу, и теперь девочка скитается с ребенком по общежитиям, хотя у нее есть все основания поселиться в трехкомнатных хоробах, где Нинель сейчас обитает одна, даже без кошки и собаки. Только вот совестливая девочка не может пойти против бабки, хотя стоило бы. И бросить все это Нинель в лицо стоило бы, но Варвара Васильевна не смогла заставить себя сделать это. И не потому, что боялась... хотя нет, именно боялась! Боялась помойной свары, боялась грязи, которая разлетится вокруг зловонными липкими брызгами. А ей и так есть от чего отмываться. Поэтому она просто поглядела в глаза по очереди всем шестерым женщинам, которые жались на лавке (а все торопливо отдергивали от нее взгляды), и пошла своей дорогой.

За ее спиной раздалось шипящее:

– Я по крайней мере людей не убивала!

Варвара Васильевна резко вскинула голову, так что ее седые, легкие, коротко стриженные волосы взлетели облачком – и тут же послушно улеглись. Эта прическа была ужасно модной до войны и называлась «бубикоп» (женская стрижка под мальчика), но она так стриглась и потом,

ведь трудно было с длинными волосами на фронте, а ей очень шли эти летящие кудряшки вокруг лица, и, главное, Даниле нравилось, ну а затем, все годы, прожитые без него, она делала только то, что одобрил бы Данила...

Нет, она не сбилась с ноги и не опустила плеч – зашагала еще четче, прямее, как в строю. Данила шел чуть впереди, оглядываясь через плечо, сверкал своими диковинными синими глазами:

– Тверже шаг, Варенька! Тяни носочек и ни о чем не думай!

Рядом с Данилой чеканил шаг угрюмый, тяжеловесный Серега Ухарев. Он тоже был влюблен в Варю, но безответно, мучительно, не скоро смирился с тем, что у его любимой любовь с другим и что самое тяжелое – с лучшим Серегиным другом, земляком и побратимом Данилой Громовым. Серега оглядывался, щурил глаза в улыбке, которая так редко освещала его лицо, совершенно преображая грубоватые черты, и хрипловато трубил своим прокуреным горлом:

– Варюша, держись! Ты теперь за всех за нас тут отстреливаешься – держись!

Рядом просигналил автомобиль – и дорогие, любимые лица исчезли. Варвара Васильевна даже не успела прощально улыбнуться им, но ничего, ей все-таки стало легче.

Она шла, не сбиваясь с твердого строевого шага, и думала: «А где эта Нинелька, интересно знать, была в 42-м, когда мы заживо сгорали от жары в курских степях? Когда брали Киев? Когда нас расстреливали на пражских улицах засевающие на чердаках фашисты-смертники?»

Этот вопрос, она знала, другие фронтовики тоже задавали тыловикам. Громогласно и возмущенно задавали его сразу после возвращения в чужую, странную и порою страшноватую мирную жизнь. Потом, спустя годы, – все тише, все горестнее звучал он. В последние годы спрашивали только мысленно – потому что все меньше оставалось тех, кто имел право задавать этот вопрос.

Варваре Васильевне в этом году исполнится семьдесят пять, Нинель младше ее года на четыре. Значит, в 45-м, когда Варя потеряла все самое дорогое в жизни, когда у нее оставалась одна Победа, воистину – одна на всех: и на нее, и на Данилу, и на Сережку, и на весь их скошенный пулеметным огнем взвод... и на ребенка, которого она потеряла, раненная в живот... сама едва выжила, какой тут ребенок! – значит, в 45-м, когда Варе исполнился двадцать один, Нинели было семнадцать. Она заканчивала среднюю школу – прелестная, высокая, немножко пухленькая девушка с загадочными фиолетовыми глазами, в которые не мог равнодушно глядеть ни один мужчина, особенно только что вернувшийся с этой мясорубки, которая называется войной.

Насколько знала Варвара Васильевна, Нинель рано вышла замуж и рано овдовела: муж ее, фронтовой лейтенант, спился года через три, когда какая-то тыловая крыса в очках сообщила ему, что он не годен ни к какой работе, а бесконечно травить байки об убитых фрицах – не тот род деятельности, за который начисляется зарплата. Так и умер. Может быть, тыловая крыса была и права: много знавала Варвара Васильевна таких ребятков, которым война оставила жизнь, отняв умение пользоваться ею... Потом Нинель еще четырежды выходила замуж: кого-то из мужей хоронила, с кем-то разводилась, но, как и Варвара, осталась бездетной и теперь одиноко доживала свой век.

Они кое-чем были похожи – этим своим одиночеством, например, даже без кошек и собак... Но одно существенное различие все-таки имелось. Нинель Петровна и впрямь никогда и никого не убивала. А Варваре Васильевне приходилось... Нет, не только на фронте: там это и убийством-то не считалось. Уже в мирной жизни. Причем совсем недавно – каких-нибудь три месяца назад.

Алёна Васнецова. Май 1999

Алёна сглотнула ком, внезапно образовавшийся в горле. Интересно, почему Юрий так решил? Уж не она ли сама что-то сболтнула?

Напряглась, пытаюсь вспомнить, что кричала, когда началась эта постыдная истерика. Нет, вроде бы про Фаину речь не шла. Про Амман – да, про Алима, про то, как оттолкнула его с силой последнего отчаяния, а он возьми да и шарахнись виском о тяжелую бронзовую цацку в виде львиной головы с кольцом в зубах, исключительно в целях украшательских прибитую к гардеробу... Нет, не только в украшательских – еще и в человекоубийственных целях, как выяснилось!

Человек... Алёна не единожды сомневалась, человек ли вообще Алим или животное, лишенное даже понятия о жалости, милосердии, обо всем том, что отличает зверя от человека.

Она вонзила ногти в ладони, прогоняя морок ужаса, вновь подползающий к сознанию. Алим сладко улыбается ей в аэропорту и, прижав руку к груди, наклоняет голову, а его темные, непроницаемые глаза не отрываются от лица Алёны... Алим бьется в ее распятое на кресле тело своим телом, извергается в нее, размазывая по их слившимся бедрам кровь, смеется: «Если бы я знал, что ты девушка, оставил бы тебя любителям!» Алим показывает ей *альбом*, сладострастно дышит в ухо: «Это гурия Наргис⁵, видишь, какая она была красавица? Настоящий скандинавский тип, моим гостям очень нравилась. К сожалению, гурия Наргис оказалась глупа, никак не хотела меня слушаться и была за это наказана. Вот это тоже она. Не узнаешь? Можешь поверить на слово. А это гурия Лу-лу⁶. Здесь она очень хороша, ничего не скажешь, а вот здесь ее опять не узнать, верно? Она тоже оказалась очень непослушной... А это гурия Туба⁷, та самая девушка, про которую я тебе говорил. Она заработала здесь очень хорошие деньги и до сих пор вспоминает меня добрым словом!» Алёну снова передернуло от отвращения к приторным, отдающим дешевым одеколоном прозвищам девушек и от ужаса перед тем, во что превратило их «непослушание» Алим.

Нет, не думать, не надо думать об этом!

Она перевела дыхание, попыталась расслабиться. Но не скоро удалось прорваться сквозь судорогу, стиснувшую горло, не скоро удалось найти слова для ответа на вопрос Юрия.

– Я ненавижу Фаину за то... за то, что она продала меня в рабство.

⁵ Нарцисс (арабск.).

⁶ Жемчужина (арабск.).

⁷ Райское дерево (арабск.).

Тамара Шестакова. Май 1998 – август 1999

Роман вдруг споткнулся и захохотал.

Тамара покосилась испуганно. Он смотрел на рекламный щит: красивая бутылка с прозрачной, ключом кипящей водой, даже на вид ледяной, вкусной и удивительно полезной, просто-таки жизнетворящей. Об этом же вещал и текст рекламы: «Вода «Серебряный источник» наполнит жизнью край родной!».

– Бред собачий, – прокомментировал Роман. – Мы что, в пустыне Гоби обитаем? Вода полезна для организма, об этом и должен быть текст. – Он прищурил лукавый карий глаз и, ни на минуту не замедляясь, выдал: – Вода «Серебряный источник» наполнит жизнью... мочеточник!

Тамара издала короткий смешок, но не сказала ни слова. Роман обиженно дернул углом рта. Ну конечно, он привык слышать в ответ восхищенный смех, видеть, как сверкают от восторга глаза Тамары. А вместо этого – скупое хмыканье, и снова на ее лицо напозла та же тень раздражения, которая затемняла его с самого утра.

Тамара опустила голову. Мысли Романа словно начертаны на том же рекламной щите. Только ей ведь куда печальнее оттого, что нет у нее сил по-прежнему реагировать на все эти милые глупости. Что-то изменилось в душе... Да и он тоже изменился. Раньше забеспокоился бы сразу, схватил бы в объятия, зацеловал, бормоча встревоженно:

– Том, ты что, Том? Ты меня, что ли, не любишь больше? А ну-ка улыбайся!

Или какую-нибудь такую же чепуху, которая ни ему, ни ей тогда вовсе не казалась чепухой.

Вот именно – тогда... А теперь идет как ни в чем не бывало, задрал бороду, улыбается в усы. И вид у него при этом – самодовольнее некуда. Перефразируя поэта, ты сам свой высший суд, всех выше оценить сумеешь ты свой труд, ты им доволен ли, взыскательный художник? А попросту, сам себя не похвалишь, никто не похвалит!

Тамара боялась вызвать его неудовольствие, опасалась критиковать его. Потому что, как это ни печально, теперь она нужна ему меньше, чем он ей, и он легко мог бросить ее. Как хорошо было, когда все обстояло наоборот...

Они шли мимо решеток на Покровке. Около решеток все проходили, глядя не прямо перед собой, а вывернув головы либо налево, либо направо, в зависимости от того, сверху шли или снизу. Таким образом нижегородцы приобщались к искусству на этой ежедневной выставке-продаже работ местных художников, живущих плодами своего мастерства и торговавших ими возле ограды маленького парка, окружавшего филфак университета.

– Шесть секунд, – вдруг сказал Роман и протолкался к осанистому дядьке с одутловатым лицом запойного пьяницы, стоявшему возле картин в стиле Бориса Вальежо: мускулистые красавицы в объятиях всяческих монстров.

При виде Романа лицо дядьки приобрело испуганное выражение, и он начал выворачивать карманы. Роман взял немалую пачку денег, пересчитал и спрятал к себе в карман, а когда дядька что-то сказал с просительным выражением, сунул ему под нос фигу, повернулся и пошел к Тамаре. Он не заметил, но она-то отлично заметила, с какой ненавистью смотрел на него продавец картин, как плюнул ему вслед...

– Ты что, не заплатил ему? – спросила Тамара.

– Он сам себе заплатил. С утра уже наклюкался – на какие деньги? Процент взял раньше, чем товар продал! – сердито ответил Роман.

Почему-то он всегда говорил о деньгах только сердито. Сначала Тамара этим умилялась: ведь о них в основном говорят с нежностью, с трепетом, с придыханием, с алчностью, и даже равнодушные всегда напускное, более или менее тщательно скрывающее жажду обладать

ими. Роман говорил сердито. Не скоро Тамара догадалась, чем деньги так его злили. Тем, что никак ему не давались, вот чем! Но и потом, когда Роман по сравнению с прежними временами мог считать себя состоятельным человеком, он говорил с прежними сердитыми интонациями, обманывавшими свежих людей. Но не Тамару...

Она оглянулась на решетки. Вот здесь они когда-то познакомились... хотя встретились немножко раньше. Днем их первой встречи следует считать тот, когда она однажды вышла из подъезда и чуть не угодила в гору земли, вывороченной будто бы прямо из-под фундамента. Несколько рабочих били ломом и лопатами обнажившийся низ дома, а две старухи-собачницы с трудом удерживали на поводках ротвейлера и ризеншнауцера, которые, похоже, уже утомились облаивать разрушителей их жилища.

Хотя работа, как стало ясно со второго взгляда, шла скорее созидательная. Заброшенный подвал очищали, расширяли, облагораживали, чтобы превратить в офис (магазин, оказалось позднее). Обычное дело в наше время, и Тамара забыла об этом через секунду после того, как вышла со двора.

Работали строители, надо отдать им должное, споро и чисто, моментально, как цивилизованные люди, убирая за собой всякий строительный мусор. Единственным неудобством, связанным с их деятельностью, было то, что какое-то время к подъезду приходилось добираться не прежней прямой дорогой, а в обход, мимо гаражей, мусорных баков и зарослей полыни, которые к августу были уже выше человеческого роста. Тамара, которая вообще все бытовые дела делала на автопилоте, так привыкла к этой дороге, что продолжала ходить по ней, даже когда обычный путь расчистился. Из-за этого все в ее жизни и перевернулось с ног на голову.

В тот вечер она возвращалась около полуночи. Удалось взять отличный материал в «Рокко», где выступали стриптизеры-«голубые». Там туда практически не пускали, но Тамару провел один визажист (тоже гомик, конечно), который когда-то работал в ее студии и был многим ей обязан. Честно говоря, Тамаре была многим обязана чертова уйма разного народу, но все они, завидев ее, теперь переходили на другую сторону улицы: «Шестакова? Тамара Шестакова? Кто такая, впервые слышу!» Ну а этот визажист оказался порядочным человеком. К тому же он был наполовину кореец, а значит, мудр, как всякий восточный человек, и предпочитал не плевать в колодец, даже если тот и кажется на первый взгляд высохшим.

В «Рокко» в тот вечер тако-ое творилось! Ну, может, по столичным меркам это было что-то вроде взаимной демонстрации писек и попок в детском саду, но с точки зрения провинциалов... Именно для газеты «Провинциал» и намеревалась Тамара сделать основной материал – обличающий. Хоть от нее теперь многие и воротили носы, но редакторы ведь не идиоты, для них нет хороших или плохих людей, есть хорошие или плохие журналисты, ну а писать Тамара умела, что да, то да! Толик Козлов, бывший оператор-алкоголик, а теперь директор самой престижной студии в городе, «2Н», сохранивший с Тамарой самые добрые отношения, но при этом не подпускавший ее к эфиру (персона нон грата!), как-то сказал: «Томка, ну какого черта ты тратишь время, ждешь у моря погоды? Пиши для газет, тебя с твоим пером всегда будут печатать, а телевидение – это не твое, ты слишком любишь слово, а на экране надо любить человека!» Тамара не верила, что телевизионные времена для нее кончены, но жить-то надо было...

Толик, пьяница этакий, оказался совершенно прав! Конечно, она печаталась теперь под псевдонимами, но редакторы-то знали, кто истинный автор материалов. Их и правда брали охотно, а псевдонимов можно навдумывать на все случаи жизни. Только когда Тамаре взбрела фантазия увидеть свою статейку в «Губошлепе», приходилось идти ну о-очень кружным путем и пускаться на разные смешные ухищрения, но цель оправдывала средства. К примеру, стоило лишь вообразить себе, что редактор «Губошлепа» Римка Поливанова, которую Тамара некогда выперла с телеканала за воинствующее лесбиянство, теперь украшает страницы своей

тухлой газетенки публицистической ненавистной Шестаковой, даже не подозревая об этом, как у означенной Шестаковой резко улучшалось настроение.

Вторую заметку, в разнузданно-обличительном духе, она завтра же отправит в «Губошлеп». В «Рокко» был оттуда фотокор, Тамара его заметила в толпе, однако знала: писать этот парень вообще не способен, в лучшем случае даст простейшую информацию, а вот пощипать в подробностях поведение некоторых именитых гостей, которые пришли в клуб как бы брезгливо подергать губами, но к концу вечеринки совершенно расслабились и начали срывать со стриптизеров последнее оперенье, а с себя – фрачные брюки, – такое по плечу только...

Тамара споткнулась. В кустах, мимо которых она проходила, кто-то захохотал – так внезапно и отвратительно, что мурашки побежали по спине. «Дура, зачем я тут пошла!» – ругнула себя Тамара и на всякий случай повернула в обратном направлении, на асфальтированную дорожку, но тут вдруг зашуршали высоченные полынные стебли, и ей наперерез вывалилась какая-то фигура, умоляюще пробормотав что-то вроде: «Девушка, дай курнуть!»

– Я не курю! – сердито бросила Тамара, пытаюсь обойти идиота. И ноги ослабели от страха, когда она увидела, что мужчина стоит в расстегнутых штанах, нянча обеими руками...

Ей стало тошно, заметалась туда-сюда, но он метался вместе с ней, бормоча умоляюще:

– Ну дай, дай...

– Пошел вон!

Тамара кинулась напролом через кусты, чтобы наконец-то избавиться от него, но тут кто-то схватил ее за руку и укоризненно сказал:

– Ну чего ты человека мучаешь, курва? Он что, драть теперь должен, раз ты такая грубая? Просит человек – значит, надо дать!

Ей вцепились в плечи, рванули – Тамара неуклюже повалилась навзничь. Завозилась, пытаюсь вскочить, натянуть на колени задравшуюся юбку, но руки ей больно вывернули:

– Не мешай!

Она взвизгнула, еще не понимая, что происходит, не веря, все еще пытаюсь вскочить, но какая-то темная тяжесть уже наваливалась сверху, комкала юбку, лапала грудь.

– Ой, скорей, ой, скорей! – причитал кто-то рядом, и Тамара вдруг услышала, как человек мелко топчет от нетерпения. – Я сейчас кончу, дай мне!

– Кончишь – так снова начнешь, – деловито пробурчал другой, грубо разводя Тамарины судорожно сжатые ноги и разрывая ее трусики. – Да не дергайся, что, не нравится, когда с передка? Я и в задницу могу, как скажешь!

Она взвыла от ужаса, пытаюсь сбросить тяжелое тело... Он был не один, их было шестеро. В ослепших от слез, от боли и страха глазах замелькали фигуры, которые нетерпеливо топтались около стола, бормоча: «Шуня, давай скорей! Шунька, слазь, кто-то идет!» А этот парень со странным прозвищем Шунька словно не слышал тревожного шепота. Да он и криков Тамары не слышал, а она захлебывалась стонами: «Мне больно! Пусти, больно!» Ее уже достаточно измучили перед этим, но все остальные пятеро парней от нетерпения, от долгого воздержания и страха делали свое дело быстро, один почти не успел ее коснуться, как отвалился, засопел удовлетворенно... А Шунька возился, возился, сопел, кряхтел, то терзая губами ее шею, то нависая над Тамарой и роняя ей на лицо капли пота.

– Дурак, хватит! – закричал кто-то, но Шунька прохрипел:

– Не мешай! Я хочу, чтобы она тоже кончила. Пусть узнает, что это такое!

Услышав это, Тамара завизжала так, что мгновенно сорвала горло и уже только сипела задушенно. Шунька... нет, сейчас кто-то другой с усилием проталкивал в нее раздутую плоть, кряхтел от напряжения. И не в воспоминаниях, а наяву!

«Боже мой, да неужели опять?!» – вспыхнуло в мозгу. Вместе с этой мыслью вернулось осознание действительности, Тамара поняла, что валяется на земле в полыни, что судьба решила-таки поизмываться над ней во второй раз, но теперь ей этого не пережить. Она последним усилием попыталась вывернуться, задергалась, забилась, но на горло налегла широкая ладонь, и в глазах сразу завертелись огненные колеса. Гул в голове становился все громче, гасил сознание. Она еще билась, но все слабее, все реже.

«Задуши меня! Убей меня, ну пожалуйста!»

Губы дрогнули, пытаясь высказать эту последнюю мольбу, но с них не сорвалось и стопа. Тело обмякло, ноги вяло раскинулись, и насильник довольно хохотнул, поняв, что сопротивление подавлено.

И вдруг воздух прорвался к пережатому горлу Тамары. Она слабо вздохнула, почти ненавидя себя за эту попытку вернуться к жизни, но поделать ничего не могла: дышала жадно, глубоко, громко всхлипывая, и за своими хрипами не сразу расслышала топот и звуки ударов.

Кто-то дрался рядом, жестоко, кроваво. Тамара приоткрыла заплывшие слезами глаза: двое били одного... нет, один бил двоих. Пригнувшиеся фигуры мельтешили в темноте, но вот одна метнулась в сторону и исчезла, а вторая повалилась на карачки, медленно поползла, мотая головой.

– Ку-да? – со злой насмешкой спросил человек, оставшийся на ногах. Вздернул ползущего, сильно встряхнул: – Ментов вызвать торопишься? Ничего, не спеши, я сам тебе ментом буду. Ну, говори, ты с ней что-нибудь сделал? Сделал? Успел?

– Не... не... – послышалось в ответ испуганное блеяние. – Она дергалась, я не... гадам буду, ничего не... да я хотел просто так побаловаться! Пусти, браток, я тебе... возьми в кармане деньги, только отпусти!

– Брато-ок? Козел в зоне тебе браток!

Он с новой силой встряхнул пленника, но, видно, не рассчитал: нечаянно выпустил его из рук. Тот какое-то мгновение перебирал ногами на месте, но тотчас спохватился и ринулся наутек, даже не оглянувшись.

Тамара, лежа на земле, смотрела вокруг неподвижными глазами, не веря тому, что случилось, не веря в спасение.

Незнакомое лицо склонилось над ней:

– Вы как? Вы ничего? Он вам действительно ничего не сделал?

Она бессильно шевельнула руками, не в силах даже юбку оправить, и мужчина осторожно сделал это за нее. Потом помог Тамаре подняться, а вернее, просто поднял ее и поставил на ноги, как куклу. Ноги у нее подгибались, и мужчина не выпускал ее, тревожно заглядывая в глаза и то и дело спрашивая:

– Ну, вы как? Как вы? Идти можете? – то принимаясь объяснять: – Я в подвале как раз докрашивал, вышел мусор вынести, слышу – а тут... – то неловко успокаивая: – Да не переживайте. Он же ничего не сделал, гад. Я понимаю, вы испугались, но больше не ходите этой дорогой, а я завтра же вырублю всю эту полынь, чтоб больше никто...

Тамара в ужасе оглянулась. Ее спаситель, чья майка белела в темноте, думал, что разогнал насильников, но она-то отлично знала: удрали только двое, а там, в темных, остро пахнущих зарослях, затаились остальные из ее прошлого и среди них – Шунька, который утирает пот со лба и бормочет своими толстыми губами: «Нет, я хочу, чтобы она кончила, со мной кончила...»

Тамара зажала рот рукой и, пригнувшись, метнулась куда-то, не разбирая дороги. Ноги сами донесли ее до подъезда, но она напрасно рвала и дергала дверь: кодовый замок не открывался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.